

«Захватывающая,
волнительная,
динамичная
и полная надежд
история».

КАРЕН М. МАКМАНУС,
автор бестселлера
«Один из нас лжет»

Счастье или жизни

ЛИЗ ЛОУСОН

Лиз Лоусон
Счастливики

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Лоусон Л.

Счастливики / Л. Лоусон — «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-114130-1

Год назад жизнь Мэй превратилась в кошмар. Она пережила трагедию: стрельбу в старшей школе. Среди погибших был и ее брат-близнец. В новой школе Мэй знакомится с Заком, не подозревая, что его мать защищает в суде того самого стрелка. От Зака отвернулись одноклассники, любимая девушка встречается с его лучшим другом. Дружба с изгоем помогает Мэй бороться с преследующими воспоминаниями. Но смогут ли молодые люди сохранить зародившееся чувство, когда раскроются мрачные тайны каждого из них?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-114130-1

© Лоусон Л., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Лиз Лоусон

Счастливики

*Посвящается моим родителям: спасибо, что всегда в меня верите.
(И, мам, – прости за все ругательства в книге)*

*Ты все еще дышишь? Тебе повезло,
Ведь многие только хрипят тяжело.*

Daughter, «Youth»

Liz Lawson

THE LUCKY ONES

Text copyright © 2020 by Elizabeth Lawson

Jacket art copyright © 2020 by Yuschav Arly

© Музыкантова Е., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава 1

Мэй

Несусь через лужайку, щурясь в почти крошечной тьме. Фонарь за спиной отбрасывает свет, но очень слабый.

Облака заслоняют луну.

На бегу провожу ладонью по лбу – тот мокрый. На улице жарко как в аду, хотя январь в Лос-Анджелесе должен хоть что-то значить. И вот так уже несколько недель, жарко и безветренно. Затишье перед землетрясением, как говорит бабушка Люси, хотя я продолжаю ее уверять: научно доказано, что землетрясение предсказать нельзя.

Я одна. Люси бросила меня после нашего позднего ужина и пошла домой. Не могу ее винить, все-таки утром нам в школу – мое первое появление в новом заведении с тех пор, как меня почти десять месяцев назад выкинули из старого. Мне, наверное, тоже пора на боковую, но сперва надо кое-куда заскочить. Да и все равно со сном у меня большие проблемы.

У Люси случился бы припадок, знай она, куда я направилась.

С тех пор как мы вычислили, что Мишель Теллер установила сенсорные фонари на свой гараж, подруга стала еще боязливее («блин, Мэй, я тебя люблю, но нам надо сто раз подумать, прежде чем лезть в это дело»), и я все понимаю – правда, понимаю, – но для меня игра стоит свеч. Люси со мной не согласна, и как бы я ее ни любила, сколько бы ни поверяла ей мысли, которые лезут в мою большую голову, всего я ей не рассказываю.

Вот как сегодня. Когда я позвонила и предложила вместе поужинать, то не уточнила, с чего вдруг.

Сегодня днем я впервые за выходные проверила почту – и да, в ящике меня ждало очередное письмо.

Стоило мне его увидеть, как внутри все похолодело. Я схватила конверт, рванула наверх, запахала под одежду в шкафу, а потом побежала в ванную, и меня стошнило. После чего я упала на кровать с пульсирующей от боли головой. Но даже через всю комнату чувствовала гребаное письмо, точно пресловутый стук сердца. Их теперь так много; они спрятаны по всей комнате, следят за мной из ящика стола, шкафа, каждой дыры и щели моей спальни. Стоит по-настоящему уснуть, как обычный нормальный человек, – и они пробираются в мои сны, превращая те в кошмары. Я не смогла долго лежать. Вскочила с кровати и решила навести порядок, но не продвинулась дальше бесцельной беготни туда-сюда по заваленному вещами ковру.

Вот откуда взялся звонок Люси. Вот почему я не пойду домой, как она. Мне нужно это сделать – только так я могу сгладить острую память об этих письмах.

Наконец дохожу до двери гаража, но тут перед глазами встает образ: мой брат-близнец Джордан лежит навзничь на полу репетиционной своего джаз-банды, из-под него течет густая, ярко-малиновая кровь и впитывается в грязный серый ковер. На мгновение теряюсь, прогоняю картину, запихиваю ее поглубже и подхожу слишком близко к дому. Я знаю, что так делать нельзя; за последние месяцы я стала экспертом по планировке окрестностей дома Теллер и их системе освещения, но, как обычно, все порчу.

Вспыхивает прожектор, и на долю секунды я застываю на месте, словно одно из тех глупых животных, что замирают в свете фар и неминуемо гибнут.

Несколько долгих секунд спустя до моей тупой головы доходит, что торчать здесь, в кругу яркого света, не лучшая мысль. Заставляю себя двигаться дальше. Нырряю за угол и прижимаюсь к штукатурке здания. Так сильно сжимаю баллончик с краской, что пальцы белеют и ста-

новятся видны в темноте. Глубоко дышу, как учит меня психиатр, доктор Макмиллен, – вдох на четыре счета, такой же выдох, – и сердце начинает успокаиваться.

Пытаюсь представить, что бы сказала Люси, окажись она здесь. Кроме очевидного «Осторожнее, Мэй, ну ты и балда».

Велела бы отправляться домой? Заорала бы, что я трусиха?

Будь она здесь, мы бы вместе неслись сквозь ночь, но за последние недели Люси все чаще увильивает и предоставляет мне самой решать проблемы.

Дыхание выравнивается, можно двигаться дальше. Надо держаться начеку, не отвлекаться на воспоминания. Как там говорится в «Искусстве войны», которое я нашла в куче вещей Джордана у него в комнате спустя месяц после его смерти?

Посреди хаоса есть еще и возможность.

А тот чувак, Сунь-Цзи, знал, о чем писал. Вот как я впервые пришла к этой мысли – способу показать у блюдоочной адвокатессе, взявшейся защищать того психопата, что она глубоко не права. Вычитала в книге. Я решила, что раз я нашла ее в вещах Джордана, это вроде как знак.

Я почти уверена, что в ту ночь кто-то из нас впервые зашел в его комнату с тех пор, как все произошло. Даже сейчас, одиннадцать месяцев спустя, мама все еще отказывается идти туда, отказывается разбирать его вещи, и иногда – в тех редких случаях, когда родители оба дома, – я слышу, как они с папой спорят об этом глубокой ночью, пока я ворочаюсь без сна.

Темнота снова воцаряется над проезжей частью, и я решаю, что безопасно потрясти баллончик, даже если каждый раз, когда твердый шарик ударяется о дно, это похоже на пушечный выстрел. Ребята, сейчас двадцать первый век и все такое, неужели нельзя изобрести более тихий способ взболтать краску, тем более что, по моему опыту, никто и никогда не использовал ее... скажем так, в абсолютно законных целях.

Хотя я бы сказала, что цели, для которых я ее использую, соответствуют моему моральному кодексу и что каждый получает то, чего заслуживает.

Стою перед гаражом и уже дописываю последнюю букву (краска еще стекает по двери), когда вдруг сзади раздается шелест. На секунду перед глазами всплывает лицо Дэвида, и хотя я знаю – знаю, – что он сидит за решеткой в исправительном учреждении «Башни-близнецы» в центре Лос-Анджелеса, все равно подпрыгиваю примерно на двадцать футов в воздух и так быстро разворачиваюсь, что путаюсь в собственных ногах. Тяжело плюхаюсь на дорогу, обдирая ладони, и снова загорается проклятый прожектор, ослепляя меня сверху. Сердце выдает миллион ударов в минуту, слезы скапливаются в уголках глаз. Я щурюсь от внезапного света, пытаюсь встать, практически получаю сердечный приступ, но тут слышу тихое «мяу», и что-то трется о мою ногу.

Зараза. Да это просто чертова кошка.

Падаю обратно на дорогу в луче прожектора, чтобы отдышаться и не дать внутренностям убежать прочь по улице. Мне даже все равно, увидит ли меня кто-нибудь. Конечности будто налились свинцом. Кошка, не подозревая, что едва не убила меня менее десяти секунд назад, по-хозяйски забирается мне на грудь и начинает месить лапами толстовку.

– Боже. – Ничего не могу с собой поделать: меня душит смех, и приходится сжать губы, чтобы звук не вырвался изо рта. – Киса, ты меня до полусмерти напугала, без шуток. – Провожу ладонью по ее шкуре и понимаю, что на спине кошки осталась слабая красная полоса. Смотрю на свою руку и вижу, что та измазана краской от пальцев до локтя. Должно быть, я с испугу брызнула на себя.

Эта последняя часть ночи вообще идет не по плану. Устрою Люси выволочку, как можно было меня бросить? Устала она, домой захотела, ага.

Ну а кошке придется смириться с новой мастью.

От капли красной краски еще ни разу никто не умер, верно? (На самом деле я понятия не имею, но придется пока в это поверить, иначе мне светит перспектива отмывать кошку в темноте.)

Я все еще лежу здесь, на дороге, и кошка тычется носом мне в лицо, когда прожектор затухает, оставляя меня в темноте.

Глава 2

Зак

СУКА

Первое, что я вижу, выйдя из дома, – красные буквы. Еще не до конца высохшая краска стекает на асфальт подъездной дорожки. Первый день после зимних каникул – что за отличное начало семестра!

Буквы большие – на самом деле, огромные – и тянутся через всю дверь гаража.

Вижу их и замираю как вкопанный. Гвенни с писком впечатывается в мою спину.

– Зак, какого хрена?

Ее светлые кудри в полном беспорядке, сплошные колтуны. Делаю мысленную пометку добыть ей расческу получше. Еще один пункт в списке «что должен делать родитель, а придется мне».

Сестренка думает, что уже взрослая и имеет право ругаться, раз перешла в старшие классы и проколола пупок в каком-то непонятном салоне возле Венис Бордуолк.

А вот чего Гвенни не понимает, так это того, насколько она еще юна. Как сильно ей хочется оставаться маленькой. Качаться на качелях на заднем дворе и не видеть надписи, подобные той, что в который раз возникла на стене нашего дома.

Она стоит позади меня и сверлит взглядом мой затылок.

– Гвенни, вернись в дом. – Я разворачиваюсь и пытаюсь затолкать ее обратно, но сестра слишком шустрая.

Она ныряет у меня под руку и застывает на крыльце.

– Что это? – Шуруется; не надела очки, а линзы я ей пока запретил, пусть сперва научится снимать их на ночь. – Они снова здесь были? На нашей дорожке? – Ее голос становится тоньше, дыхание короткими толчками вырывается из груди.

– Вернись в дом. – Я стараюсь сохранять спокойствие, но почти рычу, и Гвенни напрягается.

– Там написано «сука»! – пищит она, сама на себя не похожая. Такой голосок преследовал меня в детстве, когда сестренка хотела со мной поиграть.

Я вздыхаю.

– Гвен. Это ерунда. Та же самая мерзость, что люди повадились писать с тех пор, как мама взяла то дело.

– Но... это же наш дом. Опять. Они приходят и приходят, Зак! Пока мы спим внутри! Стоят здесь, а мы даже ничего не знаем. – Гвенни всхлипывает и поворачивается ко мне, слезы собираются в уголках ее глаз. – Надо сказать папе.

Провожу рукой по волосам и тяну себя за пряди. Пытаюсь думать. Отец еще спит наверху. Мне приходится вытаскивать сестру из кровати, везти в школу, проверять, поужинала ли она, все ли домашние задания сделала, вовремя ли сдала их. И в каникулы: доставить Гвенни в торговый центр, заказать еду на двоих, стоять у сестры над душой, пока она не прочитает нужные книги.

Понятия не имею, в какой момент стал ее опекуном. Когда мама взяла то дурацкое дело и семья стала предметом пересудов местных сплетников? Когда начался этот гребаный вандализм, мутировавший из злобных записок, оставленных в почтовом ящике, в граффити на доме и засыпанную солью лужайку? Когда Гвен стала просыпаться посреди ночи от кошмаров? Или это началось намного раньше? Мать всегда мало бывала дома, но можно сказать, что и отец уже долгие годы присутствовал рядом с нами лишь номинально. Когда его уволили пять

лет назад, вместо того чтобы искать новую нормальную работу, он решил продолжить карьеру музыканта в свои сорок пять.

Никто, кроме разве что него самого, и не удивился, когда ничего не получилось, и шесть месяцев назад отец превратился в бесполезную кучу кожи и костей. Полное отсутствие поддержки со стороны мамы тоже не помогло. Она, как обычно, игнорировала ситуацию и, насколько я вижу, начала воспринимать мужа как третьего ребенка. Роль, которую он с готовностью принял, роль, которая затмила его амплуа, ну, знаете, ОТЦА. Нам с Гвен так повезло.

– Папа спит. – Я смотрю на его темное окно. – Пошли в школу. Я напишу ему, чтоб знал, чего ждать, когда спустится.

Если он сегодня спустится.

– И мы просто... так все и оставим? Надпись? А вдруг соседи увидят? – спрашивает Гвен.

Учитывая, что уже рассвело и на стоянке в квартале от нас дети ждут автобус, полагаю, это шило уже в мешке не утаить, но сестру я расстраивать не собираюсь. Да и соседи, пожалуй, уже привыкли, хотя точно не знаю – они отворачиваются от нас, как и все прочие в городе.

– Не обращай внимания, хорошо? – Закидываю тяжелый рюкзак на плечи и обхожу Гвен, а она все стоит, точно статуя из льда и страха. Кладу руку ей на плечо. – Гвенни. Идем. А то опоздаем.

– Ну и пусть. Ненавижу это место, – так тихо бормочет она, что я только чудом улавливаю сказанное.

Стискиваю зубы и отворачиваюсь, делая вид, будто не услышал, будто обжигающие крылья ветра унесли слова прежде, чем те достигли моих ушей. Подхожу к машине и снимаю с блокировки дверь.

Позади несколько мгновений висит тишина, а потом раздается топот – сестра бежит ко мне.

* * *

Мы заруливаем на школьную парковку, и мне приходится напрячься, чтобы вспомнить, где же мое место. Приезжаем сюда каждый день, но я все еще с трудом ориентируюсь в лабиринте, открытом в этом году, когда сюда перевели всех детей из Картера. Не знаю я, как все обстоит на самом деле, решил бы, что парковка каждую ночь меняет форму и размер, после того как все расходятся домой.

После долгой и неловкой возни наконец вспоминаю, что место 355 налево, а не направо, и паркуюсь.

Только выключаю двигатель, как чуть дальше от нас останавливается «Вольво». Невольно поднимаю голову – белоснежная машина сияет на солнце.

Она. Розалин, моя бывшая девушка.

Обычно я лучше рассчитываю время. Привожу нас сюда пораньше, ведь если Роза чем-то и славится, так это своими вечными опозданиями. Но дурацкая надпись на дурацком гараже выбила меня из графика, и вот, мы попали.

Гвенни открывает свою дверь и оглядывается на меня, потому что я словно вмерз в кресло. Судя по резкому вдоху, сестра тоже замечает Розалин.

– Вот блин. Зак...

– Знаю. – Я закрываю глаза и считаю до десяти, как посоветовал мне школьный психолог в последний раз, когда я обнаружил у себя в шкафчике очередную гадкую записку и сполз по стене, где учитель меня и нашел.

– Что нам делать? – Судя по голосу, Гвенни напугана.

– Не знаю. – Снова смотрю на машину Розы – и упираюсь прямо в глаза бывшей. Она потрясена не меньше моего, и на долю секунды мне кажется, что на ее лице отражается что-

то кроме привычного уже презрения, коим Роза одаривает меня и моих близких. Но затем она нацепляет на себя все ту же маску гнева и отвращения, которую безостановочно носит с осени.

В отличие от нас с сестрой, Розалин не мешкает и выбирается из машины. Не в силах оторвать взгляд, вижу, как она до странного элегантно движением отстегивает ремень и распахивает дверь.

Сердце в груди разрывается надвое. Мы с Гвенни прячемся, точно крысы, я не знаю, куда деть глаза. Обливаюсь потом – рубашке конец. И это мы еще наружу не вышли. Поганое начало семестра – впрочем, у нас весь год загублен, спасибо милой мамочке.

Смотрю в зеркало заднего вида, как Роза быстро идет прочь с прямой как палка спиной. Маленькая ладошка берет мою, и только тут я замечаю, как меня колотит.

Мы с Гвен молча сидим в машине, как в ловушке, и ждем, когда горизонт расчистится.

Глава 3

Мэй

Я до чертиков вымоталась.

И устала.

Устала и вымоталась. Прошлой ночью поездка на велосипеде от дома адвокатессы получилась уж слишком долгой.

А теперь я еду в школу. Впервые за почти год.

Не в Картер, разумеется. Они закрыли учреждение несколько месяцев спустя, слишком уж много призраков в нем осталось.

Призраков зла. Боли. И призрак моего брата.

Нет, я еду в другую школу Долины – кажется, с ней мы иногда проводили спортивные соревнования. Никого оттуда не знаю. Она кажется слишком далеко, движение в Лос-Анджелесе за пределами отстойное. Больше сорока минут туда добираться, а ведь она всего на десять миль дальше прежней. Школа Куинси Адамс. Так претенциозно и так жалко. Люси говорит, там странно: все ребята из Картера держатся особняком, а местные к нашим и не подходят, чураются. Словно могут подхватить от нас вирус того, что произошло.

Последний семестр администрация упорно пыталась наладить взаимодействие, устраивая тупые собрания, групповые занятия и прочую лабуду. Все прошло примерно так удачно, как и следовало ожидать.

В прошлом году, сразу после стрельбы, они несколько месяцев пытались держать нас в Картере – крайне глупая затея, как по мне. К концу семестра ситуация настолько ухудшилась – у ребят случались срывы, драки, они всеми силами прогуливали занятия, лишь бы не возвращаться в это место, – что руководство наконец решило начать все с чистого листа.

Вот откуда взялось решение перевести в начале нового учебного года половину оставшихся ребят сюда, а половину в Миллер, еще одно ближайшее заведение в Долине.

Так я и попала в школу Куинси Адамс, когда мои родители и доктор Макмиллен пришли к выводу, что домашнее обучение у меня не заладилось. Не заладилось... ну простите, что не нашла общий язык с той старенькой хныкающей учительницей, что сидела передо мной, сжимая дряхлыми руками тетрадки, едва в силах их удерживать. Не нашла с ней общий язык, пока мы обе старались не обращать внимания на вездесущий призрак моего брата. А тот словно обернулся вокруг каждой вещи в доме, лежал на мебели, точно дурно пошитое покрывало, тяжелым туманом висел в воздухе, пропитывал каждое гребаное движение и как якорь тянул нас вниз, вниз, на самое дно океана.

Прошлой осенью было принято исполнительное решение (фу!), что для моего психического здоровья (опять же, фу!) будет лучше, если я стану получать образование среди людей. А не учиться дома, поскольку мои родители не могли (читай: не хотели) быть рядом со мной и проверять, что я на самом деле чем-то занимаюсь, а не просто игнорирую приведенную ими учительницу, которая с треском провалила свою задачу.

Директор Роуз-Брэйди как-то убедила школьный совет принять меня обратно, хотя подзреваю, после этого решения ей пришлось выдержать несколько телефонных звонков от разгневанных родителей тех детей, которых я была (или не была) в прошлом. Впрочем, чем эти родители могли препятствовать моему зачислению? Я же ВЫЖИВШАЯ.

Уцелевшая.

Счастливчик.

Единственная, кто остался в живых в той комнате.

И теперь я возвращаюсь в школу.

Отстой.

Я не знаю, где припарковаться, поэтому слишком долго маневрирую по дурацкому лабиринту, одной рукой держа руль, а другой сжимая самодельную карту, которую Люси дала мне вчера вечером, чтобы облегчить мое беспокойство.

Я настолько истощена, что линии ее рисунка извиваются перед моими глазами, как веревки, пересекаясь в самых неожиданных местах. Я попала домой не раньше двух часов ночи: почти час лежала там, на дорожке, с этой глупой кошкой и просто дышала. Мне казалось, будто небо давит мне на голову, а звезды в любую секунду перегорят, как старые лампочки, оставив мир в полной темноте.

Наконец нахожу свое место и так круто туда заруливаю, что на секунду пугаюсь, вдруг тормоза не успеют сработать и я врежусь в машину напротив. Обычно рядом сидел Джордан и напоминал мне ехать помедленнее. Даже ближе к концу, когда мы уже мало разговаривали и вся поездка могла пройти в тишине, брат успокаивал меня, накрывая мою ладонь своей. Теперь рядом со мной пустое место: напоминание о том, что я одна.

Оставив машину, иду через тротуар к главному зданию. Когда дохожу до входной двери, вспоминаю, о чем забыла.

Металлоискатели.

Они выглядят как что-то из научно-фантастического фильма, то, чему положено находиться в опасном и пугающем месте, а не в школьном здании, – впрочем, теперь для меня это одно и то же. Уголки моего рта опускаются, а сердце проваливается через асфальт к центру земли.

Затем, так как иного выхода нет, я прохожу сквозь двери, кладу рюкзак на ленту и иду через рамку. Краем глаза вижу, как охранник в униформе охлопывает еще одного опоздавшего, бесцеремонно проверяя карманы и штанины.

По другую сторону рамки я буквально упираюсь в огромный плакат с именами и лицами людей, оказавшихся в тот день в репетиционной – моего любимого учителя, моих друзей, *моего гребаного брата*. Почему этот отвратительный мемориал развесили по всем школам в нашей местности – за гранью моего понимания. Стреляли-то не здесь. Словно люди чересчур стараются – стараются сделать вид, что им не все равно, что они понимают.

Будто они в принципе могут понять.

Слава богу, Люси предупредила, иначе меня б вывернуло здесь и сейчас.

Не успеваю я расплыться на тысячи гневных молекул, как моя подруга Химера уже тут как тут, клеится ко мне, точно пластырь. Вцепляется тонкими пальцами в мою руку, и я едва из шкуры не выпрыгиваю.

– Мэй, боже, я так рада тебя видеть. У тебя с собой лишнего тампона не найдется? У меня месячные начались. Кровь хлещет как из ведра... – Она осекается и краснеет. Мое сердце отчаянно колотится, я глубоко дышу, пытаюсь успокоиться. Хим оглядывается на лицо Джордана, что смотрит на нас с гребаного плаката. – Боже. Я не хотела. Боже, прости... – Она отпускает мою руку и зажимает ладонью свой рот.

Хим такая Хим. Три месяца с ней не виделась – и в первые же двадцать секунд получила напоминание, почему именно.

С тех пор как в прошлом году меня выкинули, я попыталась научиться не реагировать. Контролировать лицо и эмоции, словно чертов буддистский монах. Клянусь, это целое искусство. Только я в нем не очень хороша, особенно рядом с Хим, которая напоминает мне, кем я была – и о ком предпочла бы забыть.

Выдавливую улыбку, трясущимися пальцами шарю в сумке и наконец нахожу тампон. Протягиваю его Хим, и та буквально сияет от благодарности. Сдерживаюсь и не закатываю глаза. На подруге совершенно неуместная в такую жару шапка, из-под которой торчат кончики

волос. Она явно постриглась, с тех пор как мы с ней виделись три месяца назад, и перекрасилась в розовый. Получилось мило, если вы поклонник такого стиля.

Вместе направляемся по забитому коридору в зияющую пасть этой долбаной школы, к шкафчикам, классам и всему прочему, с чем я надеялась больше никогда не сталкиваться. Приходится буквально прокладывать себе путь. Люси предупредила, что здесь полно народу, но я не думала, что все настолько плохо. Впрочем, стоило догадаться, раз уж им пришлось нанимать сразу двух директоров: Роуз-Брэйди, переведенную с нами из Картера, дабы у нас имелось *знакомое лицо* среди руководства (тут разве что глаза закатить можно), и Калба, который изначально управлял Куинси Адамс.

Стены вокруг усеяны флаерами, зазывающими на танцы, отборочные соревнования и прочую обычную ерунду, но я вижу и другие – объявления о собраниях для скорбящих и группах по обсуждению вопроса «как дальше жить, когда умер близкий». Сорвать бы их все и смыть в туалете, подальше отсюда – подальше от меня. Роуз-Брэйди заставила меня сходить на одно такое собрание в прошлом году, перед тем как закрыли Картер, но ничем хорошим это не кончилось. Вообще. Теперь я посещаю частного психолога, и она рассказывает мне всякий бред вроде «все наладится». Раньше мне приходилось видеть ее несколько раз в неделю – к счастью, с прошлой осени удалось сократить сеансы до раза в месяц, но мы все же встречаемся, ведь, как объявили Роуз-Брэйди и школьный совет, это необходимо, чтобы мое возвращение в принципе начали рассматривать.

– Хим. Пожалуйста, остановись. Все хорошо. Правда, все в порядке. Я вернулась, не надо ходить вокруг меня на цыпочках. Ты же знаешь, я ненавижу эту фигню. – Точнее, я ненавижу разговаривать с людьми, чьи глаза полны жалости, которые видят не меня, а отражение призрака Джордана.

Хим, которая прежде никогда не смущалась нести всякую чушь в моем присутствии, умудряется покраснеть еще сильнее. Впечатляющее зрелище.

– Нет, мне правда очень стыдно. Вечно у меня язык вперед мозгов бежит, мама постоянно ругается. Болтаю всякую хрень, а ведь понимаю, что с тобой надо аккуратнее...

Она все тараторит, а у меня сдавливают грудь. Мы знаем друг друга с детского сада – Хим вообще стала моим первым настоящим другом помимо Джордана, – но с прошлого года мне трудно ее переносить. Это несправедливо, конечно, но, похоже, я просто не могу позволить себе расслабиться рядом с ней – мы так и не вошли в ритм нашей дружбы, с тех пор как умер брат.

Мы уже у ее шкафчика, но Хим все не умолкает. Мне так хочется дать ей пощечину, чтобы заставить заткнуться (мне правда надо просто стоять здесь и слушать эту непрекращающуюся болтовню?), но тут теплая ладонь сжимает мою руку.

– Дамы. – Я оборачиваюсь, и вот она – моя спасительница, Люси, единственный человек, которого я хочу видеть в эти дни; единственный человек, который, кажется, способен разглядеть *меня* сквозь дымку того, что произошло в прошлом году. Она ухмыляется, как будто точно знает, о чем я сейчас думала, – знает, что помешала мне врезать Хим по милому, но такому раздражающему лицу.

– Как мы сегодня утром? – Люси, как всегда, носит черное на черном поверх черного: футболку какой-то мутной местной группы, которая будет известна в следующем году, и рваные кожаные штаны.

Администрации всех местных государственных школ запретили такую одежду в прошлом году и ввели строгий стиль, но Люси, очевидно, является исключением из правила. Как обычно.

Она пихает меня бедром и кладет свою курчавую каштановую голову мне на плечо. Мое сердцебиение замедляется, и я вспоминаю, как дышать; напряжение постепенно выходит из

моего тела. Я разжимаю руку, и Люси вкладывает в нее упаковку с печеньем «Герл скаут». Мятное. Мое любимое – практически только его и ела прошлой весной после смерти Джордана.

Обожаю Люси.

– Рада тебя здесь видеть, – шепчет она мне на ухо.

– Люс! – Глаза Хим вспыхивают. Она по Люси с ума сходит, сколько я себя помню. Довольно мило, если только Химера не бродит за объектом обожания, точно потерявшийся щенок.

– Привет, Хим, – кивает ей Люси. – Спасибо, что пришла в субботу нас послушать. Извини, мы паршиво играли. Думаю от них уйти. Собираюсь сегодня вечером попробовать с другой группой, мне нужно что-то новое.

– Ты вообще не паршиво сыграла, – голос Хим на октаву выше, чем обычно. Она исправно ходит на все выступления Люси.

Бряд ли хоть одно пропустила. Вроде бы даже прогуляла бат-мицву своей кузины, чтобы сбегать на очередной концерт.

Мы с Джорданом тоже ходили, и все было хорошо до поры до времени. Где-то в десятом классе я начала обижаться, что Люси всегда приглашает нас обоих. Что мои друзья стали *нашими* друзьями. Как будто брату не хватало его прекрасных оценок, его прекрасных волос и всего внимания, которое уделяли ему наши родители. Так что однажды на концерте Люси, вместо того чтобы тусоваться с Джорданом, я бросила его, как только мы приехали, и провела большую часть оставшейся ночи с Хим, выпивая, куря и творя ерунду. В общем, делала все, лишь бы избежать брата и его осуждающих взглядов, еще и Хим за собой тащила. Вскоре он начал приводить своих друзей.

Гоню эту мысль из головы, стараюсь стереть даже ее отпечаток из своего разума.

– Мэй, – Люси снова сжимает мою руку. – Ау, прозвенел звонок. Пора идти в класс, дорогуша.

Ошеломленно оглядываюсь, только сейчас заметив, что коридор опустел, пока я с головой ушла в свои воспоминания.

Хим вздергивается.

– Вот дерьмо. Я снова опоздаю на химию. Не то чтобы это имело значение, все равно я лажаю.

Люси закатывает глаза.

– Неужели на четверки съехала?

– Без разницы. Мне пора. – Хим летит по коридору, и я машу ей вслед, мол, рада была повидаться.

– Эй. Угомонись. – Люси хватает меня за руку и опускает ту вниз. – Сама знаешь, она ничего плохого тебе не желала.

Высвобождаюсь из ее хватки.

– Да. Я знаю. Я понимаю. Но блин. Мне иногда так хочется ей врезать.

Люси фыркает.

– Ой да ладно. А то я сама не поняла. Расслабься. Она любит тебя – просто не знает, что сказать. – Оглядывает меня с ног до головы: – Повезло тебе, что я вовремя подошла, иначе схлопотала бы ты выговор. Сама знаешь, что сказала Роуз-Брэйди, когда они согласились тебя принять: ты должна хорошо себя вести. – И стучит мне пальцем по лбу.

Я раздуваю ноздри.

– Я помню, что она сказала. – Мне просто все равно.

Она наклоняется и убирает волосы с моего лба.

– Эй. Паршиво выглядишь. У тебя все нормально? – Я киваю, крепко скрестив руки на груди. Люси молчит, кусает нижнюю губу, прочищает горло. – Мэй. Ты сейчас под наблюдением. Ты это знаешь. Я это знаю. Будь осторожней. Они не станут бесконечно идти тебе

навстречу – даже с поддержкой Роуз-Брэйди, – если ты не сможешь себя контролировать. Хорошо? – Она смотрит на свои часы. – Черт. Мне пора бежать. Увидимся за ланчем.

Я молча закусываю щеку, и Люси уходит. Мысленно твержу одну из кучи мантр, которым назначенный школой терапевт доктор Макмиллен научила меня прошлым летом: ты в безопасности, ты в безопасности.

Не помогает. Никогда не помогает. Сердце колотится в груди, и я будто снова там, в крошечной кладовке в Картере, сижу, сжавшись в комок, и затыкаю уши, пытаюсь не слушать все эти крики. Крики моего брата. А затем, кажется вечность спустя, хотя на деле прошла всего минута, крики обрываются, и повисает тишина – самая густая, самая удушающая тишина, которую я когда-либо слышала.

Раздается последний звонок, и я подпрыгиваю. Он такой громкий и резкий, клянусь, у меня барабанные перепонки лопаются, я чувствую, как кровь стекает по моим щекам, но, когда пытаюсь ее вытереть, понимаю, что это не что иное, как мои собственные слезы.

Глава 4

Зак

Иду на третий урок – историю, что проводится в бунгало за школой. Оно стоит на поле, где тренировалась бейсбольная команда, пока число учеников не удвоилось и стало невозможно найти место. Команды больше нет. Их распустили, как и половину другой фигни в этой школе, которую администрация решила не сохранять, когда пришли дети из Картера. Я слышал, как наши возмущались, стонали, мол, с какой стати нам приходится мучиться только потому, что этим ребятам нужна другая школа.

Красноречивый факт о моих одноклассниках и о том, как они прекрасны. Бесконечно прекрасны.

Пока я иду к своему месту, все, как обычно, избегают смотреть мне в глаза. Из дальнего угла доносится шепот и хихиканье. Волосы на затылке встают дыбом, а кожа становится горячей. Мне не нужно оборачиваться, чтобы узнать, кто там или что именно они говорят.

Я тысячу раз умолял своего психолога вытащить меня из этого класса, но она постоянно твердит: это невозможно, с наплывом детей из Картера каждый класс заполнен до предела. Полагаю, это подходящее наказание, что теперь мне каждый день приходится сидеть со своим бывшим другом Мэттом, который меня ненавидит и – вдобавок к катастрофе, которую ныне представляет моя жизнь, – сейчас встречается с моей бывшей девушкой. Что, честно говоря, уже моя собственная ошибка.

Хихиканье становится громче, и я заставляю себя двигаться к своему месту. Сажусь и смотрю на белую доску в передней части комнаты. Обожаю ходить в школу, где прежде ребята приветствовали меня и давали «пять», а теперь с отвращением становятся спиной, когда я прохожу мимо них по коридору. Удивительно, как быстро люди отворачиваются от тебя, даже если вы всю жизнь знакомы.

К счастью, мгновение спустя на стул рядом со мной садится Конор. Мои плечи начинают опускаться из привычного положения на уровне макушки. Конор – единственный, кто еще рядом; единственный, кто продолжает вести себя так, будто решение моей мамы не превратило меня в чумного. Отчасти потому, что без меня ему бы тяжело пришлось, а отчасти потому, что он лучше многих знает, как выбор, который делают родители, иногда превращает жизнь в ад. Около восьми лет назад его отец вернулся из Афганистана, весь в раздрае, а его мама решила, что ей это не по плечу, и подала на развод. В итоге Конор остался один со своим в основном безработным, обычно пьяным отцом. После этого приятель стал частенько ночевать у меня дома.

Суть: он понимает, что родители – это мрак. Мои, его – все.

– Здоров, чувак.

– Привет. – Он сутулится на своем месте и вытягивает ноги. Замечаю, как одна из девушек сзади поглядывает на нас, а потом пихает соседку локтем и кивает в нашу сторону. Опускаю голову. Скорее всего, она счастлива, что каникулы наконец закончились и можно снова видеть Конора. Девушки без ума от него, даже когда он не поет на сцене. Так всегда было и всегда будет. С тех пор как мы подружились в третьем классе – хотя когда Конор начал давать концерты со своей группой, стало еще хуже.

Правда, после того как мама взяла то дело, ситуация несколько изменилась. Люди начали пялиться и на меня тоже. В отличие от Конора, я не упиваюсь вниманием. В отличие от Конора, девушки не считают меня сексуальным, таинственным или талантливым, или что там они о нем думают. Я просто... никакой. Обычный. Среднестатистический. Раньше я был невидимкой. Скучаю по тем дням.

Раздается звонок, и мистер Эймс у доски прочищает горло. Правила, учителя и авторитет никогда не сдерживали Конора, и он сразу начинает говорить со мной.

– Ты придешь сегодня вечером? На репетицию? Мы прослушиваем новых барабанщиков, гребаный Локетт на прошлой неделе уволился. Вот кто так делает? У нас первый концерт в «Орионе» на следующей неделе, а этот козел просто берет и уходит, мол, ему нужна работа или чего-то там?

Я сползаю на стуле так низко, как только могу без риска свалиться на пол. Ну почему Конору всегда надо привлекать ко мне внимание? Эймс мечет в нас испепеляющие взгляды, а сам начинает гудеть об очередных мертвых европейцах, которых мы проходим по учебному плану.

Едва слышно бормочу:

– Он вроде своей девушке ребенка заделал. Вот почему ему нужна работа, разве нет?

Конор изрядно оглох, так как отказывается носить затычки для ушей на своих концертах, поэтому понятия не имеет, что я только что сказал, и в ответ делает недоуменное лицо. Я качаю головой, одними губами произношу «не важно», но, если уж Конор за что-то зацепился, его не остановить.

– ЧТО? – переспрашивает друг во всю глотку.

Может, он на самом деле и не кричит, но, черт возьми, мне будто пушка в ухо грохнула, и Эймс, похоже, со мной солидарен. Учитель прерывает занятие, идет к нашим местам и наклоняется, чтобы оказаться на уровне наших глаз.

– Не хочешь поделиться с классом своими новостями, Симонсен? Они же, по-видимому, настолько интересны, что не могут подождать? – Эймс всегда говорит так, будто учился общению со студентами по дрянным ситкомам восьмидесятых.

Конор откидывается на спинку стула и скрещивает руки на груди, пока я молю, чтобы бог разверз пол и поглотил и мой стол, и меня вместе с ним. Я слишком хорошо знаю Конора, тот никогда не умолкнет лишь потому, что учитель велел...

– Не особо, сэр, – ухмыляется друг во все лицо.

Ага, я знаю Конора.

Он никогда просто так не заткнется.

Эймс закатывает глаза к потолку.

– Конор, это новый семестр. Новый год, верно? Я думал, мы договорились, что ты придержишься до 2020-го? Так, понимаю, наше соглашение вылетело у тебя из головы?

Класс смеется, отчасти потому, что знает: на самом деле Эймс и Конор симпатизируют друг другу, они так похожи, что даже жутко.

– Так, – он поворачивается ко мне, и я снова молю, чтобы пол меня поглотил, – что до тебя...

Я поднимаю брови и пытаюсь сымитировать поведение Конора. Наверняка выгляжу полным придурком.

Эймс качает головой:

– Зак, найди друга получше.

Класс ревет. Эймс возвращается к доске, а Конор ухмыляется. Когда шум стихает, я слышу, как Мэтт позади меня шепчет: «Ага, удачи тебе», – и хочу сдохнуть.

Выхожу из комнаты после занятий, но кто-то хватает меня за локоть. Я знаю, что это Конор, никто больше теперь меня не трогает – ни в прямом смысле, ни в переносном.

– Так ты придешь? – Он подталкивает мою руку локтем.

Кто-то кричит ему через зал, но Конор машет рукой, даже не глядя в ту сторону. Ну да, когда ты настолько крут и знаменит, что тебе все равно, кто выкрикивает твое имя.

Я поднимаю голову и стреляю в него косым взглядом.

– Куда?

Он преувеличенно вздыхает и отвечает:

– На мою репетицию, чувак, помнишь? Алло? Я ж говорил тебе в классе?

– А, точно. Не знаю. – Мы доходим до моего шкафчика, и я снимаю рюкзак, чтобы быстро поменять учебники. Конор прислоняется к соседней дверце и сверлит меня раздраженным взглядом, пока я расстегиваю молнию, открываю шкафчик и начинаю перекладывать книги.

– Ну же, мужик! – Он кладет ногу на мою сумку, поэтому мне приходится выпрямиться.

– Чувак, я на урок опоздаю. Убери свою ногу от моей сумки. – Конор начинает всерьез меня раздражать. Не умеет нормально принимать отказ.

– Просто пообещай, что придешь сегодня вечером, и я уйду. Лады? – ухмыляется он.

Я закатываю глаза.

– Не понимаю, зачем ты вообще хочешь, чтобы я пришел. Никто не хочет. В смысле, в тот единственный раз, когда я к вам приперся, все время, пока вы, ребята, не играли, Мэтт либо зыркал на меня, либо обжимался с Розой. Не особо-то весело.

– Ой, да кому какое... на хрен этого Мэтта. Не позволяй ему влиять на твою жизнь. Сам знаешь, он все еще в группе только потому, что другие парни настояли, хотя стоит признать, он бомбический гитарист. Прямо реинкарнация Джими Хендрикса в теле белого подростка из пригорода...

Судя по его затуманенному взгляду, меня ждет долгий разговор о музыке вообще и его группе в частности, поэтому я перебиваю:

– Ладно, ладно. Хорошо. Но сначала мне надо отвезти Гвенни домой. У нее выдался дерьмовый день. Не дам ей трястись в автобусе. – И рассказываю ему об утренней надписи на гараже.

– Боже, Гвен видела эту мерзость? – Конор качает головой. – Ну что ж, мы оба в курсе, что твой отец ничего не сделает. – Я пожимаю плечами. С этим не поспоришь. – Значит, зайдём в магазин бытовой техники, купим немного краски. Нанесем пару слоев поверх надписи, а потом отправимся на репетицию, и ты сможешь посмотреть прослушивания.

Вот почему, невзирая на свой эгоизм, Конор все равно великолепен. Он назойливый, раздражающий, мало обращает внимания на остальной мир, но на него можно положиться.

Никто больше не вызвался бы красить со мной дверь гаража. Не самое веселое занятие после школы.

– Лады. Увидимся позже. – Конор хлопает меня по затылку, и я устало киваю. Он идет прочь по коридору.

Я вздыхаю, захопываю шкафчик, прислоняюсь к нему и закрываю глаза, пытаюсь найти в себе силы дожить до конца дня.

Раньше в школе было не так, как сейчас, – абсолютная выматывающая пустота, заполненная белым шумом и голосом Конора. Раньше у меня были друзья. Девушка. Жизнь.

* * *

Я опаздываю на урок театрального мастерства. Пришлось записаться сюда, раз уж я дотянул до последнего и пропустил все сроки. У меня на уме были другие вещи. Например, моя девушка заявила, мол, хочет порвать со мной, ведь я исключаю ее из своей жизни, после чего, в приступе ослиного упрямства, я ответил: «Конечно, конечно – иди и скажи «да» моему дебилному бывшему другу, который позвал тебя на осенний бал. Какое мне дело». А, ну и все в школе, кроме Конора, меня ненавидят.

Такие вот забавные вещи.

Учительница уже начала занятие и дико машет руками, торчащие во все стороны каштановые кудри развеваются вокруг головы. Типичная такая преподавательница театрального

искусства, и я невольно смеюсь, наблюдая за ней. Девочка, сидящая чуть поодаль, наверное, слышит мой тупой смех, потому что смотрит на меня с кривой улыбкой.

Я никогда не видел ее раньше, но эта улыбка... от нее мое сердце тает. Не только потому, что мне больше никто не улыбается, но и потому, что в ней я чувствую ум и отклик – ого, кто-то меня понимает.

Редко я теперь ощущаю что-то подобное.

Глава 5

Мэй

Середина четвертого урока, а мне совершенно плевать. Преподаватель – полная ерунда. Машет руками у доски, и... дорогуша, вот чего б тебе не причесаться? Она балансирует на тонкой грани между стилем бомжа и хипстерским «я не мыл волосы пять дней». Автоматически достаю телефон, чтобы написать об этом Джордану, но спохватываюсь.

Стулья здесь очень неудобные и стоят слишком близко друг к другу, пусть мы и в театре. Считаете, кто-нибудь подумал, что это может стать проблемой? Ну и как выбраться отсюда, если что-то пойдет не так? Убежать невозможно.

Мои руки дрожат на коленях. В голове крутится мысль: а можно я просто встану и пойду домой, ну пожалуйста? День проходит так медленно и кажется таким бессмысленным. Пронзительный звонок; классные комнаты с узкими рядами сидений; оглушительный смех детей в коридорах – это слишком. У меня болит голова.

Уже хочу послать это подальше – класс, школу, все, – как в комнату влетает высокий, нескладный парень и плюхается неподалеку. Я оглядываюсь, и хотя он только что вошел, кажется, тоже успел оценить нашу учительницу, как оценил бы Джордан. Парень тихо смеется, а потом почему-то смотрит на меня, и я не могу удержаться от ответной улыбки. Все остальные здесь такие серьезные, я по-настоящему боялась, что буду единственной, кто не гундит «бла-бла-бла, театр, бла-бла-бла».

Смеющийся парень удивляется моей реакции, может, думает, что я потешаюсь над ним или что-то в этом роде. Мои щеки краснеют: что же я сделала не так? Последние одиннадцать месяцев я мало с кем общалась; Люси – практически мой духовный близнец, да родители... Бог знает, помню ли я, как взаимодействовать с людьми. Возможно, нет.

Снова смотрю на колени, и в моей голове одновременно всплывают две мысли: «возвращение в школу – отстой, даже хуже, чем я думала» и «а этот смеющийся парень довольно милый».

Специально вожусь и покидаю класс после Смеющегося Парня, я и так уже достаточно опозорилась.

А когда выхожу в коридор, то врезаюсь в стену из плоти. Вздрагиваю. Сердце начинает колотиться. Хочется принять горячий душ и смыть с себя ощущение тела другого человека.

А потом, когда я вижу, в кого врезалась, меня мутит: Майлз Каталано. Мой бывший парень. Последний человек, которого бы я хотела сегодня увидеть, человек, которого я надеялась больше никогда не встретить, только, конечно, знала, что он ходит в эту дерьмовую школу, и я теперь тоже.

Его глаза расширяются, когда он меня узнает. Майлз застывает на полпути, и кто-то хлопает его по спине, подталкивая ближе ко мне.

Он совсем близко.

Проклятье!

– Ох. Боже. Привет. – Он смахивает с лица свои буйные кудри. – Боже. Мэй. Эй.

С другим человеком при иных обстоятельствах я бы от души насладились этим потоком односложных предложений, но прямо сейчас мне хочется, чтобы Майлз заткнулся и отошел.

– Ага. – Делаю один шаг назад, потом другой. – Все-таки Мэй. Рада за твое зрение. Ладно, мне пора. – Разворачиваюсь, чтобы сбежать, но коридор буквально забит из-за всех ребят, которых впихнули сюда из Картера. Едва успеваю сделать шаг, как Майлз хватается за плечо.

– Мэй. Погоди.

От его голоса у меня мурашки по коже.

– Что?! – Снова смотрю на него, и мне плевать, что я выплевываю слово ему в лицо, что ору на него на ровном месте. Пусть просто меня отпустит.

Предупреди он кого-нибудь – кого угодно, – когда утром в день стрельбы гребаный Дэвид Эклс прошел мимо него по дороге в репетиционную, неся ту большую черную вещевую сумку! Майлз еще оторвался от своего шкафчика и подумал: «Странно, он же не в группе», но ничего не сделал. Бывший сам, рыдая, рассказал мне об этом моменте несколько дней спустя, в ночь похорон Джордана.

Я тут же с ним порвала. Сказала ему, что меня тошнит от одного его вида.

И вот тогда Майлз решил стать еще большим ублюдком. Прищурился и заявил, мол, я сама идиотка и повела себя намного хуже. Что он видел, как я разговаривала с Дэвидом Эклсом на вечеринке Адама Нейлсона в выходные перед стрельбой. Майлз утверждал, что мы сидели у бассейна, склонившись друг к другу, будто вели душевную беседу.

Я так напилась в ту ночь; почти не помню, что произошло между нашим с Майлзом приездом к Адаму и моим пробуждением в собственной постели на следующее утро. Когда мы заявили на вечеринку, Майлз сбежал со своими друзьями по футболу, бросив меня одну. Я нашла на кухне Хим, которая кидала в себя шот за шотом, и присоединилась к ней. После этого – черная дыра. А я знаю: если подойти слишком близко к краю черной дыры, она затянет, и уже никогда из нее не выберешься.

Якобы я каким-то образом вышла на улицу и села у бассейна, где Дэвид меня и нашел. По крайней мере, так гласит евангелие от Майлза. Но я ему не верю. Я бы никогда не заговорила с Дэвидом Эклсом. И Майлз ни разу не удосужился упомянуть об этом эпизоде до той ночи, когда я с ним порвала.

Дэвид Эклс не мог появиться на вечеринке, особенно на вечеринке у Адама. Адам всегда беспощадно его дразнил – по сути, превращал жизнь Дэвида в настоящий ад. Эклс не посещал вечеринки. Его не приглашали. О нем всегда ходили слухи – про жуткое стихотворение, которое он написал на уроке английского языка, про его семью, про татуировку пистолета у него на животе. Иногда я замечала, как он смотрит на меня в коридоре. Что-то в нем всегда меня пугало – у него был этот невыразительный, пустой взгляд, как будто он отчасти зомби.

На лице Майлза отражается что-то вроде жалости.

– Боже, Мэй. Расслабься. Я просто удивился. В смысле, я знал, что ты вернулась, но... – Ему так неудобно. Вот и хорошо. Не хочу иметь с ним ничего общего.

Мои руки сжимаются в кулаки.

За его плечом на нас смотрит охранник. Я заставляю свои руки расслабиться.

– Ладно. Вот и поговорили. – На этот раз я готова. Проталкиваюсь мимо него в толпу, и поток людей уносит меня все дальше и дальше.

Наконец-то ланч, и все, чего я хочу, это схватить Люси, как спасательный плот, которым она для меня стала, и никогда не отпускать. Я вхожу через распашные двери в кафетерий, ищу ее, но не успеваю проникнуть внутрь более чем на пару шагов, как меня накрывает какофония звуков. Повсюду люди. Большинство я не узнаю; наверное, исконные ученики. Те, кто здесь на своем месте. Те, кто здесь – дома.

Кто-то проходит мимо меня, и я обнаруживаю, что смотрю в глаза одному из лучших друзей Джордана, Брайану Рамирезу. Брайан тоже состоял в джаз-банде, но не в основном составе. Не был на репетиции в тот день.

Вот почему он здесь, передо мной, а не...

Мы с Брайаном на секунду встречаемся глазами, и я замираю. Живот скручивает, Брайан открывает рот, чтобы что-то сказать, но я просто не могу... не могу... не могу... и прежде чем он успевает произнести хоть слово, я прячусь за группу людей, которые входят через дверь, и без оглядки бросаюсь сквозь комнату к противоположной стене.

Мне нужна Люси. Срочно.

Копаясь в сумке и нахожу телефон на самом дне.

«ГДЕ ТЕБЯ НОСИТ» – яростно строчу я с, по крайней мере, семнадцатью восклицательными знаками, и ставлю несколько смайликов в стиле «Я НЕ МОГУ СЛАДИТЬ С ЭТИМ КОШМАРОМ». Затем приваливаюсь к стене и жду.

Напротив я вижу Стива Ирмена. Его девушка, Бритта, умерла в тот день. Она играла на кларнете.

Стив смеется, обнимая другую.

– Девушка, что вы болтаетесь у мусорных баков?

Хим спасает меня от критического срыва / полного эмоционального расстройства / сумасшествия и повторного выбывания из школы. Я приношу молчаливые извинения вселенной за то, что раньше чуть не ударила подругу.

Пожимаю плечами. Вряд ли можно как-то объяснить мое поведение, ведь со стороны я тупо застыла у мусорных баков.

Она с обеспокоенным взглядом качает головой.

– Мэй. Все будет хорошо. Обещаю. Идем. – Она манит меня за собой и уходит в адские глубины (кафетерий). Я вздыхаю и бреду следом, потому что другой мой вариант – закричать, выбежать из школы и никогда не останавливаться. И хотя это заманчиво, уверена, охрана поймает меня, прежде чем я успею выбраться с территории – да и родители попросят или заставят меня увидаться с Макмиллен. Что было бы вообще не весело (преуменьшение века). Если облажаюсь в первый же день, то вернусь к тому, как это было сразу после стрельбы, – стану ходить к ней один или два раза в неделю, молча сидеть, тратить свое время и ее.

Хим ведет меня к столу, заполненному людьми, которых я знаю по Картеру и большинство из которых не хочу видеть – сейчас или когда-либо еще. Девушка с ярко-рыжими волосами машет мне с дальнего конца: лучшая подруга Джульетты Николс, Ханна. Одна из тех, кто подходил ко мне в течение нескольких недель, когда мы вернулись в Картер, и до того, как меня выгнали. «Мэй, у меня такой тяжелый день выдался. Я очень скучаю по Джульетте. Как у тебя дела? Не хочешь заняться со мной йогой после школы?» А мне хотелось кричать ей в лицо, кричать и, возможно, никогда не замолкать, но вместо этого я каким-то образом сумела выдавить из себя короткое «нет». (Кто знал, что три буквы могут отнять у тебя тысячу лет жизни?)

Это не наша обычная обеденная толпа. В прошлом за столом собирались только я, Хим и Люси, иногда еще Джордан, Брайан и его второй лучший друг Маркус, а затем Майлз и некоторые из его приятелей по футбольной команде – после того как мы начали встречаться. Иногда еще какая-нибудь девушка или парень – мимолетное увлечение Люси, – но на этом все.

Ханна должна есть с Джульеттой, за их столом, с другими ребятами, которые играли на духовых. Не с нами. Не со мной. Не без Джульетты.

Не вместо Джордана.

Я не могу этого вынести. Начинаю поворачиваться обратно к дверям столовой, но меня останавливает чья-то рука. Эта рука принадлежит – хвала Иисусу – Люси. Едва не хныкаю от облегчения, но ловлю звук, пока тот не успел покинуть мой рот.

Я и так достаточно жалкая.

Сажусь рядом с Люси и кладу голову ей на плечо. Бормочу в ее рубашку:

– Я видела Брайана, он пытался поговорить со мной, а я просто не смогла и убежала. – Издаю придушенное рыдание, и Люси накрывает мою ладонь своей.

– Ох, милая. Брайан... Вы с ним все еще не поговорили?

Я качаю головой, не снимая ее с плеча Люси. Она знает, сколько раз Брайан звонил мне первые несколько месяцев после стрельбы, пытался поговорить о Джордане, вспомнить его, но я каждый раз переводила звонок на голосовую почту.

Люси гладит меня по волосам.

– Мне так жаль, Мэй. Обещаю, все будет хорошо. Полдня уже прошло...

– И еще триллион остался?

Она смеется.

– Любишь ты драматизировать. Скорее сто двадцать пять с половиной дней.

– Твоя способность считать в уме реально пугает.

– Это просто.

– Для тебя, может быть, – фыркаю я.

– Ну что, хочешь сегодня вечером оторваться? – Люси умница. Разговор о нашей внеклассной деятельности – верный способ заставить меня почувствовать себя лучше.

Я киваю, все еще прижимаясь к ее плечу. Не нужно упоминать, что вот так же я сидела не далее, как прошлой ночью.

– Но до того... – Люси молчит, и я смотрю на нее. Она улыбается. – Что ж... Как я уже говорила, я собираюсь на прослушивание в новую группу.

– Это потрясающе! – Сжимаю ее руку и стараюсь говорить воодушевленно. Последнее время эта эмоция непросто мне дается.

– Так что? Ты пойдешь со мной? Ну пожалуйста? – просит Люси.

Мой желудок падает. Я почти год не вела практически никакой социальной активности, а то, что Люси предлагает, попадает в категорию событий, которые происходят за пределами моей спальни, да еще и с незнакомцами. Что меня не вдохновляет. Совсем.

Но это Люси, а Люси столько для меня сделала за последние одиннадцать месяцев и почти ничего не попросила взамен. Поэтому я киваю.

– Конечно, я пойду с тобой. – Смотрю на другие лица за столом и ловлю взгляд Хим. Она на другом конце стола, заигрывает с какой-то девушкой, которую я смутно узнаю. Хим озадаченно смотрит на меня, но я качаю головой и кладу ее на плечо Люси.

– Спасибо, – благодарит она. – Слушай, я знаю, это сложно. Вернуться в школу. Видеть этих людей. Если уж мне нелегко пришлось, то тебе... – Замолкает. – Я знаю, тебе поперек горла этот вопрос, но я должна спросить. Как ты? – она говорит так обеспокоенно, что я чувствую мгновенный порыв притвориться. Притворись, притворись, притворись, что все в порядке, – это то, чему меня научили мои родители; то, что мне всегда удавалось.

Но когда я поднимаю голову, чтобы встретиться с ней взглядом, то просто хочу плакать. «Прекрати».

Смотрю вниз и изучаю поверхность стола, что-то отстукиваю по ноге, повторяю фразы, которые, как сказала мне терапевт, помогут – «спокойно, спокойно, безопасно, безопасно, бла-бла, убейте меня, бла» (ладно, это их немного измененная версия).

– Есть хочешь? – Слава богу, Люси понимает, когда не надо давить. Она держит крендель перед моим лицом. Я беру его и начинаю грызть.

Пожимаю плечами.

– Неа. Хочу найти угол, забиться туда и исчезнуть.

– Серьезно, Мэй, – качает головой Люси. – Все закончится, глазом моргнуть не успеешь.

– Ты про этот день?

– День, год, все. Знаю, не это ты хочешь услышать, но попытайся жить изо дня в день, по крайней мере, следующие пару недель.

Невольно улыбаюсь.

– Думаешь, я не понимаю, что ты делаешь? Стараешься настроить меня с помощью своих слоганов. «Изо дня в день» и все такое прочее.

Первый курс дался Люси непросто. Очевидно, она унаследовала ту же проблему с алкоголем, с которой боролся ее отец, когда мы были младше. Выпивка действовала на нас по-разному. Мы с Хим становились громче, развязнее – не лучший вариант, но хотя бы не деструктивный, а вот Люси... мрачнела. Сильно. Будто становилась совершенно другим человеком. К счастью, спустя год и несколько страшных ночей, о которых я бы хотела забыть, Люси решила

пойти по стопам своего ныне завязавшего отца и принялась посещать с ним собрания анонимных алкоголиков. С тех пор ей серьезно полегчало.

А вот мне следовало бросить пить одновременно с ней – перестать тусить, думать, что я такая офигенно крутая. Творить всякую дичь. Вести себя так, будто я неуязвима, словно мне море по колено. Надо было послушать Люси – и Джордана. Может, сейчас все было бы иначе. Брат сидел бы рядом со мной, а не лежал в дыре в земле...

Внезапно дыхание затрудняется, вырывается из груди резкими короткими толчками. Флуоресцентные огни над головой кажутся ярче и жгут мне глаза.

– Люси, – хриплю я, хватая ее за рукав. – Люси.

Ей хватает одного взгляда на меня, и подруга бросает сэндвич, не донеся тот до рта.

– Хорошо, хорошо. Все в порядке. Ш-ш... дыши, – кладет руку мне на спину. – Опusti голову между колен. Да, вот так. Молодец. – Она гладит мою поясницу, голову, и жужжание в ушах постепенно стихает, шум кафетерия проясняется.

Стараюсь выровнять дыхание, а Люси шепчет мне на ухо что-то доброе, ободряющее, и наконец я наполовину прихожу в себя. Похоже, меня все-таки не вывернет на весь стол, а призрак брата не материализуется посреди столовой и не начнет выкрикивать обвинения.

Разгибаюсь и вытираю глаза. Все за столом пялятся на меня, словно я ненормальная.

Не могу их винить.

Ведь они правы.

Глава 6

Зак

Едва хватает сил поднять руки, чтобы положить учебники в верхнюю часть шкафчика, пока я жду Конора и Гвен после школы. Видимо, это мне удастся лучше всего: ждать. Ждать, пока они появятся, ждать окончания дня, ждать выпускного. Все колледжи, в которые я подал документы, находятся далеко-далеко, там, где никто не знает мою семью, где я смогу идти по коридорам и не чувствовать, что половина студентов хочет плюнуть мне в лицо.

Сегодня был самый длинный день в истории вселенной. Я совершенно уверен, что если бы ученые замерили каждую минуту, то обнаружили бы, что в них было как минимум на восемь секунд больше, чем обычно.

Все, что я хочу сделать, это пойти домой, лечь на кровать, не зажигая свет, и попытаться сделать вид, что этот год уже закончился.

– Чувак, – голос Конора вырывает меня из мыслей. Друг подходит к моему шкафчику. – Что случилось?

– Ты о чем?

– Дерьмово выглядишь, чувак. – Он останавливается рядом со мной и перекидывает свою барсетку на другое плечо. На ком-то еще ее обозвали бы мужской косметичкой, но стоило Конору начать носить такую сумку в начале года, как они завоевали популярность и теперь просто хит сезона. Удивительно, как меня до сих пор не считают популярным, ведь Конор все еще со мной общается, но, полагаю, это лишь доказывает, насколько я на самом деле чумной. – Прямо-таки неуд.

Закатываю глаза.

– Во-первых, пожалуйста, уймись с сокращениями. Говоришь, как семиклассник. Невозможно слушать. Во-вторых, я не хочу это обсуждать. Давай просто найдем Гвен и уйдем отсюда. Я устал как собака.

Он качает головой.

– Тебе лучше не использовать эту отговорку, чтобы прогулять мою репетицию сегодня вечером. Я тебе простил последние четыре раза, но становится немного неубедительно, чувак.

– Не стану, – вздыхаю я. – Все, отцепись. Приду.

Отлично. Все-таки сдался. Я захлопываю свой шкафчик.

– Хорошо. – Он делает движение пальцами, мол, я слежу за тобой, но все, о чем я могу думать, это «Да, я в курсе, что ты за мной следишь – ты и все остальные в этой тюрьме».

Прежде чем мы успеваем продолжить пререкания, притопывает Гвен и падает на дверь моего шкафчика.

– Я вас еще из холла услышала. Может, заткнетесь? День и так был дерьмовым, и я просто хочу домой.

– Ты тоже? – Конор подталкивает ее ногу своим ботинком. – Боже, вы, Теллеры, такие зануды. – Мы с Гвен поворачиваемся к нему и злобно зыркаем. – Ого, тихо, тихо, извините, ребята. – Он поднимает руки и начинает отступать прочь по коридору. – Мир, чуваки. Давайте валить отсюда нах. – Поворачивается и уходит с уверенностью того, кто знает, что за ним последуют.

– Сокращения! – кричу ему в спину. Это словечко Конор начал использовать в прошлом году, после короткой интрижки с девятиклассницей. По необъяснимой причине, оно задержалось. Девушка, к счастью, нет.

Конор, не оборачиваясь, показывает мне средний палец. Мы с Гвен закатываем глаза, но делаем то же, что и обычно, – плетемся следом за другом.

Заруливаю на нашу подъездную дорожку после быстрой остановки в хозяйственном магазине, где мы купили белую краску, – и, конечно же, вот она, милая ярко-красная надпись, по-прежнему тянется через всю дверь гаража: СУКА. Клянусь, с утра буквы стали больше.

Потрясающе, что она все еще там. Просто потрясающе. Если бы Гвен не увидела ее утром, то сейчас уж точно бы не пропустила.

Сестра выпрыгивает, а я все сижу в машине. Конор замечает это.

– Ты в порядке, чувак? – Он вскидывает брови, держась за дверь.

Утвердительно ворчу, выдавливаю полуулыбку и неохотно выхожу из машины. Я думал, что давно уже научился ничего не ждать от родителей. То, что мой папа ни черта за весь день не сделал, не должно удивлять, но по какой-то идиотской причине это бесит больше всего. Вот что я за дурак?

– Неважно. – Прислоняюсь к водительской двери джипа и протираю глаза. – Мы ведь это и ожидали увидеть? Поэтому и привезли краску.

Конор кивает, и мне кажется, что по его лицу пробегает вспышка жалости, но я не успеваю понять, было ли это на самом деле или мне показалось. Друг идет к багажнику и выгружает краску.

– Давай займемся делом.

На возню с дверью уходит примерно полтора часа. Гвен приносит нам пару бутылок с водой; очень мило с ее стороны, в этом месяце адски жарко.

К тому времени, как мы заканчиваем, руки отваливаются, с меня семь потов сошло, но от отца по-прежнему ничего не слышно. Я знаю, что он внутри, – его машина стоит на дорожке. У меня не хватает духа спросить Гвен, не видела ли она его.

Так с ним было не всегда. Я помню его совсем другим человеком. Не знаю, что произошло, стал ли он дерьмовым отцом, когда потерял работу и решил превратить свою убогую гаражную группу во что-то серьезное, или это случилось несколько лет спустя, когда папа начал понимать, что его мечта никогда не сбудется. Обычно я вообще об этом не думаю – отец изменился, точка. Уже слишком поздно, и с меня хватит.

– Зайдешь перекусить, прежде чем мы пойдем? – спрашиваю я Конора. Я бы предпочел отправиться куда угодно, только не в дом, но мне нужно сменить одежду, забрызганную краской, а запасной в машине, к сожалению, нет. Конор – единственный человек, которого я до сих пор впускаю в свой дом. Правда, не то чтобы кто-то сильно к нам рвался.

– Конечно, – пожимает плечами друг.

Мы пробираемся внутрь, и там, как обычно, царит мертвая тишина. Через мгновение я слышу слабую музыку из комнаты Гвен наверху, но нигде не видно никаких признаков отца.

На кухне Конор садится верхом на стул и кладет локти на стойку.

– Мужик, как у меня болит рука. Репетиция пойдет коту под хвост.

Роюсь в кладовой и начинаю выбрасывать попавшиеся припасы в его сторону.

– Крендели. Им всего пара недель. Картофельные чипсы... Лучше сначала проверь срок годности. Что там у нас еще? – Ныряю глубже в шкаф. – О, как мило. Рыбные консервы. Наверное, уже протухли на хрен.

Конор вздыхает.

– Чем вы, ребята, питаетесь с тех пор, как ваша мама взяла это дело?

Я фыркаю и поворачиваюсь к нему лицом, прислонившись спиной к холодильнику и скрестив руки.

– С тех пор, как она взяла *это* дело? То есть до того мы прямо-таки объедались свежими фруктами и деликатесами?

Он закатывает глаза.

– Нет, но, по крайней мере, раньше она иногда была рядом. Больше, чем сейчас...

Я пожимаю плечами.

– Ну да, наверное. Без разницы. Я подхватываю что-то для себя и Гвен по дороге из школы. Ночами мне все равно делать нечего, и я пытаюсь научиться готовить...

– Ты? Готовить? – хохочет Конор. – Да ладно, чувак.

Я качаю головой; со стыда бы сгорел признаваться в этом кому-то, кроме Конора.

– Да. Я учусь готовить. Живи с этим. – Мне следовало держать рот на замке, но я ненавижу то, как на меня смотрит Конор, будто я какой-то бедный мальчик-сирота, которого нужно спасти. Уж не ему камни бросать. Не моя домашняя жизнь похожа на эпизод «Семейки Брейди»¹. Его отец в принципе едва сознает, что Конор жив.

– Я пойду переоденусь.

– Ладно, чувак, я пока посижу здесь, пожую крендели... – Конор сует один в рот и начинает кашлять. – Чувак, они ж протухли на фиг. Ты издеваешься? Хочешь меня убить? – Спрыгивает со стула, подбегает к раковине и начинает пить воду из-под крана.

– Ну ты и идиот. Миллион раз здесь был и уже должен ожидать еду определенного качества. Главное правило: ешь все; просто, ну знаешь, проверяй на плесень. Сейчас вернусь.

Я ухмыляюсь ему с порога. В своей комнате натягиваю чистую одежду, а затем возвращаюсь вниз, схватив по пути свой кошелек. Подходя к кухне, я слышу смех. Захожу, ожидая, что это Гвен с Конором друг друга подначивают, но вместо этого вижу, что рядом с приятелем на стуле сидит мой отец, жуя несвежие крендели, которые Конор все еще ест, по какой-то неведомой причине. Мое сердце почти останавливается.

– Вот и он! – улыбающийся папа одет в настоящий, взрослый, подходящий для дня наряд вместо пижамы, которую обычно носит, когда мы возвращаемся из школы домой. Должно быть, у него был один из «хороших дней», когда он встает с постели, разговаривает с людьми, выходит из дома. Удивительно, что даже в хороший день отец не может сделать то, что сделал бы любой другой родитель – убрать проклятые граффити с гаража. В смысле, кого волнует, что думают соседи, верно?

Кроме того, разве нормальный родитель не вызвал бы полицейских, чтобы попытаться выяснить, кто продолжает творить что-то настолько мерзкое с его собственностью? Этот случай далеко не первый. Я старался изо всех сил, чтобы остановить вандализм. Сам позвонил в полицию. Они сказали мне, чтобы один из моих родителей пришел в участок и подал заявление, но внезапно (!) этого так и не произошло. Поэтому несколько месяцев назад я притащил сюда Конора, и мы выяснили, как установить сенсоры. Они срабатывают на движение. Хотя какой от них толк? Я уже несколько раз просил отца установить камеры, сделал ли он это? Нет, конечно, нет. Разумеется.

Я понимаю, что сжимаю свой кошелек так сильно, что он нарушает кровообращение в моих пальцах.

– Присоединяйся к нам, парень. – Папа предлагает мне занять место рядом с ним у стойки. – Мы как раз обсуждали группу Конора...

– Нет, я в порядке. – Стою в дверях кухни и скрещиваю руки. – Мы все равно должны идти. Опаздываем, потому что пришлось покрасить весь гараж. Не то чтобы тебя это тревожило.

Его лицо вытягивается, и мне, дураку, на секунду становится стыдно, но я быстро беру себя в руки.

– Готов идти? – нетерпеливо спрашиваю я. Очень нетерпеливо.

– Ну что ж, в следующий раз, – голос моего отца полон скорби. На фиг эти сопли.

Да, папа, в следующий раз. Конечно. В следующий раз, когда Конор будет здесь, ты, вероятно, запрешься в своей спальне, как обычно. На самом деле, Конор – единственный чело-

¹ «Семейка Брейди» (англ. «The Brady Bunch») – американский комедийный сериал о многодетном овдовевшем отце, который женился на вдове с тремя детьми.

век, с которым мой отец, кажется, хочет общаться в тех редких случаях, когда вообще хочет общаться, – они говорят о группе, о том, как тяжело быть музыкантом. Первые пару лет после того, как папа решил заняться этой чушью как настоящей карьерой, он загонял Конора на кухню каждый раз, когда друг сюда приходил, расспрашивал его об оборудовании и очередной тупой группе, о которой на той неделе писали в журнале. Об этой ерунде, что кажется невероятно важной, когда ты в моем возрасте, но должна значить меньше, чем ничего, когда ты взрослый с двумя детьми и ипотекой. Гребаный стыд.

Именно тогда мама начала так много работать – отчасти потому, что денег стало мало, хотя родители не садились за стол и не обсуждали со мной финансы, но скорее потому, что каждый раз, когда она была рядом с отцом, ее лицо превращалось в маску, а он все говорил, и говорил, и говорил о своей музыке. Я знаю, что папа играл, когда они только начали встречаться в колледже; знаю потому, что много лет назад мать с гордостью мне это сообщила. Но вряд ли она ожидала, что десятилетия спустя отец попытается сделать это своей настоящей профессией. Этого я не знаю, зато знаю, что теперь не могу определиться, кто больший отстой: папа, который целый день тусуется в пижаме, или мама, которая никогда не бывает дома.

Киваю и дарю папе натянутую улыбку.

– Идем, – говорю я Конору.

Его голова вертится туда-сюда между мной и моим отцом, как будто приятель смотрит теннисный матч, который не знает, как выключить, и когда я обращаюсь к Конору, он буквально спрыгивает со стула.

– Ага. Я готов. Поехали.

– Гвен дома? – Папа все еще пытается со мной общаться. – Я ее не видел.

– Наверху, – указываю я на потолок, как будто могу волшебным образом направить отца туда, подальше от меня. – Мне пора идти.

– Хорошо-хорошо, еще увидимся? Не задерживайся допоздна.

Закатываю глаза, потому что последний раз, когда мои родители действительно беспокоились, во сколько я вернусь домой, был еще в восьмом классе. Я мог бы исчезнуть с лица земли, и они, вероятно, не заметят, пока Гвен что-то не понадобится и никто не сможет ей помочь. Саркастически поднимаю большие пальцы и выхожу из кухни.

Уже кладу ладонь на ручку входной двери, когда слышу, как отец говорит мне вслед:

– Люблю тебя, парень.

Я раздуваю ноздри и открываю дверь так резко, что чуть не срываю с петель. Оглядываюсь на Конора.

– Давай убираться отсюда.

Друг кивает, и на этот раз он следует за мной, когда я выхожу через парадную дверь.

Глава 7

Мэй

Сажу на своей кухне и жду, когда Люси подберет меня по пути на это тупое прослушивание. Слышу, как распахиваются двери гаража, гудит и отключается автомобильный двигатель. Смотрю на часы в микроволновке: сейчас только пять вечера. Для мамы слишком рано, она бы не успела добраться домой. Если только какой-нибудь чужак не раздобыл пульт к нашему гаражу, это либо она... либо папа.

Мой живот скручивается в узел, и я отталкиваю только что поджаренный тост. Испытываю искушение вернуться в свою комнату, но Люси будет здесь с минуты на минуту, поэтому вместо этого я утыкаюсь в телефон и притворяюсь, что крайне увлечена лентой «Инстаграм».

Дверь из гаража на кухню открывается, и я слышу громкие споры. Так удивляюсь, когда слышу два голоса вместо одного, что поднимаю голову, и вот они: оба моих родителя вместе. Понятия не имею, что, черт возьми, происходит; я не видела их одновременно примерно шесть месяцев. Мама все еще приходит домой, но поздно, обычно после того, как я иду спать.

Мы почти не разговариваем. Папа... я едва его вижу. Шесть месяцев назад родители усадили меня и сказали, что последнее шоу, которое продюсирует отец, снимают в Палм-Дезерт и ему нужно пожить некоторое время там.

Некоторое время... оно все тянулось и тянулось.

И тянулось.

Я не знаю, живет ли он там до сих пор. И мне действительно все равно. Все, что я знаю: он не вернулся домой.

Я не могу разобрать большую часть того, что они говорят; лишь улавливаю несколько злых слов от моего отца:

– Нам нужно поговорить о том, как ускорить судебный процесс. Мне надо, чтобы ты включилась в него, Джоан, до того как...

Я опускаю голову обратно. Стараюсь стать как можно меньше, надеясь, что, возможно, в полу откроется дыра и засосет меня в недра ада.

Ад не может быть хуже, чем то, что происходит на этой кухне.

Их голоса стихают; должно быть, родители видят меня. Задерживаю дыхание, молясь, чтобы они прошли мимо, вели себя так, будто я не существую, как обычно. У меня покалывает кожу. Ничего не могу с собой поделать; я снова поднимаю глаза, как раз вовремя, чтобы увидеть спину уходящего отца. Мама стоит у плиты, прислонившись к столу, сгорбившись. Даже через всю комнату я вижу, что у нее покраснели глаза. Клянусь, за последний год она стала меньше ростом.

Я не знаю, куда делась та женщина, что все эти годы была нашей мамой. Занятой, успешный финансовый консультант, который казался приличной матерью, пока продвижение Джордана не затмило для моих родителей все остальное. Было похоже, что мама всегда поддерживала планы отца на моего брата – досрочные тесты и предметы повышенной сложности в девятом и десятом классах, вечерние занятия и занятия в выходные дни, необходимые для поступления в университет. Пока отец не начал говорить о своем грандиозном плане, чтобы Джордан уже в десятом классе подал заявление в колледж. Мама уперлась и слышать ничего не желала. После этого, поднимаясь ночью по лестнице, я слышала резкий шепот из их спальни и знала, что речь идет о Джордане и его будущем. Думаю, брат тоже это понимал.

Я так сильно впиваюсь ногтями в основание большого пальца, что остаются следы.

Мы с мамой встречаемся взглядами, и она дарит мне дрожащую улыбку. Усилие отнимает у нее десять лет жизни. Я не знаю, что делать. Я сижу здесь, в той же комнате, что и моя мама,

но нас словно разделяют тысячи миль. Я не знаю, что ее печалит, думает ли она о Джордане, переживает ли до сих пор. На его похоронах ей едва хватило сил дойти до скамьи в церкви. Теперь от нее осталась лишь пустая оболочка, как будто папа полностью затмил ее, хотя почти здесь не бывает.

Только я открываю рот, чтобы что-то сказать – что угодно, – лишь бы нарушить это ужасное молчание, отец возвращается в комнату.

– Джоан, я серьезно, с меня хватит... – твердо говорит он, открывает холодильник и достает пиво.

Со свекольно-красным лицом отец похож на гигантского быка. Мама прижимается к стойке, и в моей голове вспыхивает воспоминание: как она много лет назад везла нас с Джорданом в какой-то летний лагерь. В тот день у всех нас было самое дурацкое настроение, и я начала сочинять собственные слова для одной из песен по радио, затем Джордан присоединился со своей версией, и мама смеялась, смеялась и смеялась – так сильно, что у нее слезы выступили, и пришлось съехать на обочину.

Теперь, клянусь богом, я могу видеть сквозь нее. Она тает.

Папа ловит мой взгляд, и на долю секунды ему вроде бы... стыдно? Но затем я моргаю, и выражение исчезает. Нет, мне точно показалось; если я что-то и знаю о своем отце, так это то, что он никогда в себе не сомневается. Его отсутствие саморефлексии – неисчерпаемый источник шуток для нас с Джорданом.

Папа замолкает, и мама снова всхлипывает – от напряжения в комнате меня тошнит. Они все еще не заговаривают со мной, но мне все равно.

Все равно.

Все равно.

Смотрю на свой телефон и вижу сообщение от Люси, она снаружи. Мой шанс на побег. Мой освободитель. Я пытаюсь заставить себя встать, но тяжесть происходящего давит мне на плечи.

Я не двигаюсь.

Папа прочищает горло, как будто собирается что-то сказать, и энергия внезапно наполняет мое тело. Спрыгиваю со своего места, к нашему общему удивлению, и начинаю лепетать. Бежать, Люси, бла-бла-бла – я даже не знаю, произношу ли слова или просто издаю какие-то звуки. Из-за грохота сердца в ушах не слышу собственный голос. Хватаю сумку из-за стойки рядом с мамой, шлю ей улыбку, которая скорее напоминает гримасу, и бегу к двери кухни. Когда закрываю ее за собой, остается только оглушительная, тошнотворная тишина.

У Люси весьма... специфические музыкальные предпочтения, если не сказать хуже. Более половины времени в ее машине я понятия не имею, какая группа играет, из какой они эпохи и считает ли кто-нибудь, кроме Люси и мамы солиста, что они ничего так. Впрочем, мне все равно; я бы хоть обычные вопли слушала весь следующий час, если бы это означало, что мне не нужно оставаться дома с родителями.

Когда я впервые увидела Люси в третьем классе, она только что переехала в Штаты из Гаити со своим отцом и бабушкой. Люси сидела на качелях на детской площадке в этих восхитительных наушниках с Микки-Маусом. Когда я набралась смелости спросить, что же она слушает, Люси просто молча передала их мне. Позже я узнала, что это была группа под названием «Velvet Underground», которая не походила на Кэти Перри, Тейлор Свифт или прочую музыку, которую я тогда любила, и что у них играла крутая женщина-барабанщик. Люси всегда предпочитала иную музыку, чем шлак, что крутят по радио, и непременно с женщиной на ударных. Мы с Джорданом обожали знакомиться через нее с новыми группами – у нас был один аккаунт на Spotify, и мы вечно дрались, кто будет слушать его ночью, когда Люси объявляла, мол, нарыла новинку, ведь неизменно несколько месяцев спустя о той же самой группе начинала говорить вся остальная школа.

Сегодняшний вечер не исключение. Что бы ни играло в машине Люси, оно вызывает у меня тошноту и одновременно заставляет ногой отстукивать ритм. Мне хочется возненавидеть песню, но почему-то не получается.

– Что это за хрень? – Прикручиваю громкость, чтобы Люси уловила мой голос. – Я только раз ее услышала, а уже люблю-ненавижу. В смысле, гадость, но все равно хочется под нее танцевать.

– Круто, – смеется Люси. – Непременно передам твои слова Конору, как доберемся. Держу пари, он оценит.

Понятия не имею, о ком она. Люси умеет кучу всего наговорить, а по сути ничего и не сказать. Она ловит мой взгляд.

– А, точно, прости. Конор – тот, кто поет эту песню. Солист «Имя собственное и нарицательное», группы, которая проводит прослушивание. Так что насладишься их творчеством лично. – Люси шлет мне улыбку. – Может, решишь потанцевать. Или даже спеть.

– Ну конечно, мне захочется погорланить посреди репетиции какой-то левой группы, – фыркаю я. – Вот уж нет, спасибо.

Она сжимает губы, когда мы останавливаемся на светофоре.

– Знаешь, я помню, как ты все время танцевала... и пела. Помнишь, как я застучала тебя танцующей под музыку в спальне, а потом еще и Джордан пришел? Мы с ним тоже начали танцевать... ты начала петь... Джордан сбегал за гитарой. Нам даже не нужен был повод. Я могла часами наблюдать, как вы вместе пишете музыку. Честно, Мэй. – Она шмыгает носом, и я чувствую на себе ее взгляд, но сознательно отворачиваюсь и смотрю в окно.

Люси качает головой.

– Мне очень не хватает тех тусовок. Ты поешь, Джордан играет на гитаре, я на барабанах... – Она смотрит на меня, видит мое замкнутое выражение лица. – Знаю, это сложно, но разговоры о нем не приведут к концу мира. Может быть, они даже помогут... – Подруга осекается, наткнувшись на мой гневный взгляд. – Или нет.

Какое-то время молчу, затем спрашиваю:

– Сколько баллонов ты захватила?

– Баллонов?

– Ага. Баллонов. С краской. На потом.

– А, это, – пожимает плечами Люси. – Слушай, я тут подумала... может, сегодня не стоит?

– Что? – напрягаюсь я. – Ты же обещала. И уже прогуляла прошлую ночь. На меня кошка напала, и... – Осекаюсь, поймав ее красноречивый взгляд, мол, ты чего несешь. Собственно, она меня в одиночку к дому адвокатессы не посылала. Стискиваю зубы и снова отворачиваюсь к окну. – Ладно. Проехали. Хотя ты сама подняла тему.

– Да, знаю. Прости, что надавила на больное. – Люси барабанит по рулю, всегда так делает, когда нервничает. – Кстати, обо всем этом...

– О чем? – переспрашиваю стальным голосом. У меня дрожит нижняя губа, я ее закусываю и смотрю на Люси. Она на взводе.

– Просто... колледж. Учеба. Вряд ли я могу так и дальше себя вести. – Люси замолкает. – Я много думала об этом после ланча. Ты знаешь, я всей душой поддерживала нашу затею. Возмездие имеет смысл. Казалось, мы делаем что-то правильное. Что-то важное в память о Джордане. Но теперь... когда родители Дэвида уехали бог знает куда, а ты просто помешалась на той адвокатессе... это уже неправильно. Особенно с колледжем... Если меня выкинут, потому что поймают нас... – Она качает головой. – Мне крышка. Ты знаешь, что другой я себе позволить не смогу. Столько труда – и все под откос? Бабушка не переживет. Прости.

У меня падает сердце, но я не подаю виду. Я тоже не желаю зла ее бабуле, это одна из прекраснейших женщин во вселенной и единственная, помимо Люси, с кем я могу заставить себя общаться после смерти Джордана. Но речь о Мишель Теллер. Люси не нравится, что мы

с ней делаем? В смысле, нормально, что эта тетка мирно спит по ночам после того, как днем защищала кусок дерьма, убивший моего брата? Моя месть не одержимость, а жалкая попытка вынудить мир обрести какое-то подобие равновесия.

Впиваюсь ногтями в ладони. Закусываю то, что осталось от моих и без того погрызенных щек. Они снова кровят.

Не важно.

Я окаменела. У меня не осталось чувств, не осталось боли. Не осталось слез.

Так сжимаю зубы, что они едва не крошатся.

– Все нормально. Занимайся своими делами. Колледжем и всем прочим. Проехали.

– Прости, Мэй, – кривится Люси. – Но тебе не кажется, что мы уже достаточно сделали? Для Джордана? В память о нем?

Киваю – и откровенно лгу. Ей не понять: никогда не будет достаточно. Я могла бы отомстить за каждого пострадавшего, кто живет на этой планете, каждого, кто когда-либо будет на ней жить, но это не отменит того факта, что тогда я трусливо спряталась в кладовке. Никогда не отменит того факта, что я единственная, кого Дэвид оставил в живых.

– Все хорошо. Как я и сказала. Без разницы. Ты в своем праве. – Я поворачиваюсь к окну, и остаток пути на прослушивание мы едем в тишине.

К тому времени, как мы добираемся до склада, я уже в ярости.

Это одна из причин, по которой меня выгнали – извините, попросили – из школы. В прошлом году, прежде чем произнести роковые слова, Роуз-Брэйди сказала, что уже дала мне второй... третий... *десятый* шанс (ее слова, не мои), но они просто не могут позволить мне остаться в школе. Я слишком непредсказуемо себя вела (опять же ее глупые слова), слишком часто срывалась на людей.

К тому же каждый раз, когда я выполняла тест, слушала лекцию и проходила мимо гребаного заколоченного входа в репетиционную... каждый раз я чувствовала, как умирает еще один маленький кусочек того, что осталось от моей души.

Самое прекрасное, что выгнали меня всего за пару недель до того, как администрация решила, что в Картере слишком много гнева и призраков, и закрыла школу навсегда.

Мы с Люси идем на склад и оказываемся в длинном узком коридоре, освещенном яркими люминесцентными лампами.

Шумы инструментов накладываются друг на друга, создавая какофонию. Впервые с того дня я слышу живую музыку. Свою трубу я забросила. Даже не знаю, где она сейчас. В последний раз я ее видела в репетиционной, прежде чем пошла поискать дополнительную стойку, оставив инструмент позади. Оставив позади так много.

Не знаю, куда ее дели, не стала спрашивать. Я не хочу знать.

– Куда мы идем? – Прикрываю уши руками, чтобы заблокировать звуки. Здесь так громко, что думать тяжело. Хочется врезать по стене.

– Сюда. – Она шагает по коридору направо. Я сую руки в карманы и следую за ней, опустив голову.

Примерно на полпути что-то сильно бьет меня по плечу, и я теряю равновесие. Поднимаю глаза и вижу парня с одной из этих надоедливых хипстерских стрижек. Он тащит футляр для трубы – гребаный *футляр для трубы* – наверное, им мне и захал. Мы смотрим друг другу в глаза, и каждый атом моего тела сжимается. Молния пронзает тело. Что за хрень? Кем он себя возомнил, что может ударить меня и пойти дальше без извинений? Ни за что не спущу ему это с рук.

Поворачиваюсь к нему, когда он проходит мимо, и, не задумываясь, толкаю его лицом в стену, вкладывая в удар каждую унцию ярости, что скопила за последнюю неделю – прошедший месяц – прошедший ГОД – бурлящей, обжигающей и ослепительной.

– Эй! – голос парня высокий и скрипучий, и я понимаю, что он намного моложе, чем мне показалось, лет тринадцать или четырнадцать максимум. Его лицо еще не избавилось от детского жирка и прыщей. – Ты что творишь? – Он боится. Меня. Как будто я монстр; кто-то, кто способен причинить ему боль, кто-то, кого я бы не узнала, если бы посмотрела в зеркало. Наши лица всего в нескольких дюймах друг от друга, и я вижу слезы на его глазах за толстыми очками. У меня перехватывает дыхание.

– Мэй. – Рука Люси ложится мне на плечо, отрывая меня от парня. – Какого черта ты делаешь? – Она оттаскивает меня от трубача.

Парень на секунду замирает, а затем несется прочь по коридору. Уже на пороге кричит вполоборота:

– Психованная!

Я крепко сжимаю челюсти и прислоняюсь к стене, к твердыне здания, пытаюсь себя заземлить, а оскорбление звенит в ушах.

Люси стискивает мое плечо. Я понимаю, что меня колотит. Даже ощущая стену позади, я вижу, что мир меняется: поднимается и опускается с каждым моим вздохом, сбивает меня с толку, кружит голову. Присутствие Люси не помогает, не в этот раз.

– Что это было? – ее голос спокойный, но в нем слишком знакомая напряженная нотка.

– Ничего. – Я стряхиваю ладонь подруги и сажусь на корточки, обхватив голову руками. – Ничего! Он меня ударил. Я... Он... должен был извиниться. – Едва выдавливаю из себя слова; они крепко сидят у меня в глотке и, как только выходят изо рта, повисают в воздухе между нами, тяжелые и неправильные.

Люси опускается на колени рядом со мной и смахивает с моего лба непослушные волосы, как делала все те месяцы, когда я почти не выходила из своей комнаты.

– Эй. – Я не хочу смотреть на нее. – Мэй. Посмотри на меня, пожалуйста.

Я наконец уступаю.

Она склоняет голову набок.

– Подруга. Я у тебя такой агрессии уже несколько месяцев не видела. В чем дело? Само место повлияло? Что придется слышать, как играет группа? Прости, я даже не подумала об этом, когда попросила тебя...

Я делаю пару глубоких вдохов, пытаюсь замедлить бешено стучащее сердце.

Мои руки сжаты настолько сильно, что я задаюсь вопросом, не переломаются ли все крошечные кости в моих кистях.

– Нет... ничего. Я в порядке. Просто... – Поднимаюсь, и она следует моему примеру. Я пытаюсь стряхнуть морок, вести себя нормально и не портить Люси всю ночь, как делала за прошедший год больше раз, чем могу сосчитать.

– У меня все хорошо, – говорю я снова. Прислоняюсь к стене на мгновение.

Люси знает, что я лгу, я знаю, что я лгу, но что еще сказать? Я не понимаю, что на меня повлияло. Звук инструментов? Возвращение в школу? То, что мои родители отстой? Грядущая годовщина, до которой чуть больше месяца? Все и ничего, свалившееся в один гигантский долбаный беспорядок?

Люси вздыхает.

– Ты же знаешь, что можешь поговорить со мной, верно? Слушай, извини за то, что я сказала в машине. Знаю, ты злишься, что я тебя бросила... – Она проводит рукой по кудрям. – Но пойми: мне нужно получить стипендию. Нужно выбраться отсюда, понимаешь? Последние пару месяцев папа снова вел себя странно, и его новая девушка не слишком-то помогает. – Люси замолкает. – Просто знай, что это не личное, хорошо? Я тебя люблю.

– Я поняла. – Чувствую себя эгоцентричной сукой. – Прости. Я тоже тебя люблю.

– Я знаю. – Она смотрит на часы. – Извини, что так резко обрываю, но мне уже пора. Идем?

Я киваю и машу ей, мол, веди.

Глава 8

Зак

Я, похоже, уже вечность торчу в этой комнате с Конором, Мэттом и чертовой Розалин, которая, очевидно, теперь постоянное приложение к Мэтту. Когда я вошел вместе с Конором, глаза Розы открылись так широко, что удивительно, как они из ее головы не выпали. И как же чудесно сидеть и смотреть, как мой лучший друг болтает с моим бывшим другом, а моя бывшая девушка с ним же обжимается. Словно одно из тех глупых шоу, которые так любит Гвен, и одна из главных причин, почему я уже несколько месяцев не был ни на одной из репетиций. Я бы предпочел остаться дома, слушать, как в спальне отца орет телевизор, ужинать в одиночестве, но не быть здесь. Где угодно, но не здесь.

Мэтт ведет себя как полный урод (надо же, неожиданно). Всякий раз чувствую себя идиотом, когда вспоминаю, как мне казалось, будто мы с ним друзья, – и это не говоря уже о мучительных попытках понять, с чего я вообще захотел с ним дружить. Он – обычный debil, что в данный момент целует свою девушку и поглядывает на меня, проверяя, смотрю ли я. Все это дико крипово. Роза действительно выбрала победителя.

Собираю свои вещи, готовлюсь сказать Конору, что с меня хватит, но тут скрипит входная дверь, и внутрь заглядывает красивая девушка. Быстро осматривает обстановку – если честно, тот еще бардак, – а затем ее взгляд падает на меня.

– Привет, – машет незнакомка из дверного проема.

Я неуверенно поднимаю руку.

– Тут прослушивание группы? На барабанщика «Имени собственного и нарицательного»?

Я киваю.

– Супер! – Она вскидывает кулак и входит в комнату, затем оглядывается. Через секунду появляется еще одна девушка. Она одета в обтягивающие черные джинсы и потрепанную футболку и обеими руками сжимает сумку, как будто может бросить вызов гравитации и в любой момент улететь в космос. Ее темные волосы падают на лицо, но когда она их откидывает и оглядывает комнату, я узнаю свою соседку по уроку театрального искусства. Ту, с широкой улыбкой, что на минуту дала мне почувствовать себя человеком. Что она здесь делает?

Первая девушка подходит ко мне, буквально излучая уверенность и сексуальность, и протягивает руку:

– Люси.

Диван, на котором я сижу, настолько старый, что у меня уходит несколько секунд, чтобы выбраться из его недр, встать и нормально поздороваться. Смотрю на вторую девушку, может, она все-таки не стала свидетелем моего полного отсутствия координации, но, конечно, недавняя соседка смотрит прямо на меня. Мы встречаемся взглядами, она поднимает бровь и ухмыляется. Я прикусываю нижнюю губу и отвожу взгляд настолько быстро, насколько это в принципе возможно.

– Привет. Я Зак. – Пожимаю руку Люси (странное чувство, последний раз я жал руку другому человеку примерно вечность назад), но едва концентрируюсь на ней, хотя она – невероятная красотка. Снова невольно смотрю на ее подругу, надеясь, что и она представится.

– Так... это и есть ваша группа, да? – Люси осматривает комнату и, кажется, не слишком разочарована – настоящее чудо. На ее месте я бы дважды задумался. Все участники группы просто слоняются без дела, игнорируя, что на самом деле здесь проходит прослушивание. По другую сторону комнаты Мэтт и Розалин снова обжимаются. Мой желудок переворачивается.

По крайней мере, на этот раз Мэтт не пытается поймать мой взгляд, пока засовывает язык ей в рот.

– Ага. – Я как обычно не знаю, что сказать, и по-прежнему кошусь на ее подругу, что теперь прислонилась к стене рядом с нами и скрестила руки. – Э... Ты хочешь попробоваться? Или... – неловко киваю в сторону ее подруги, – она?

Люси смотрит на свою сопровождающую и улыбается.

– Мэй? Нет. Хотя жаль. Каждой группе нужен крутой трубач и хороший бэк-вокалист. – Между ними, кажется, происходит какой-то безмолвный разговор, а затем Мэй тащится к нам, хотя явно предпочла бы оказаться где-то еще. Как я ее понимаю.

Минуту мы все молчим, затем Люси ухмыляется.

– Та-а-ак... ладно, не вопрос. Сама все устрою. Мэй, – обращается она к подруге, – это... блин. Прости, как, ты сказал, тебя зовут?

– Зак.

– Точно. Мэй, это Зак. Зак, это Мэй. Поболтайте, ребята. Или нет. В общем, как хотите. Пойду поищу, кто тут главный, – Люси смеряет меня оценивающим взглядом. – Это же не ты? Я краснею. Что, настолько очевидно? Качаю головой.

– Нет, тебе нужен вон тот парень. С микрофоном и прической, как у Бибера.

– Поняла. – Люси смотрит на подругу. – Ты в порядке? – Мэй кивает. – Отлично, скоро вернусь.

Она оставляет нас с Мэй у дивана, а сама шагает через комнату – вихрь из длинных ног и развевающихся волос. У Конора будет сердечный приступ, когда он ее увидит.

Не придумав, куда еще деть свое тело, я сажусь на подлокотник дурацкого дивана, затем выдавливаю слова изо рта:

– Ты же ходишь со мной на театральное, верно?

«Отличное начало беседы, чувак. Прямо блеск».

– Что? – Она смотрит на меня так, будто я отрастил вторую голову.

Я сглатываю и прочищаю горло.

– Говорю, ты вроде ходишь со мной на театральное? – На этот раз получается чуть громче, но в конце голос срывается, словно у подростка. Так и знал, что надо было остаться дома.

– А. Правда? – Она вскидывает бровь, и мне становится неловко. Очевидно, когда мы встретились взглядами, это не значило для нее ничего, зато для меня – все. Вот бы научиться затыкаться вовремя.

– Ага. В смысле, мне так кажется. Или нет? Я хожу в Куинси Адамс... Я просто подумал... Вроде бы тебя уже видел... – Я замолкаю.

Она минуту смотрит в никуда, а затем снова на меня.

– Нет, я думаю, ты прав. Мисс Ковальски? Четвертый урок?

Я киваю, пытаюсь держаться непринужденно.

– Да уж. Ковальски. Помнишь ее волосы?

Мэй чуть улыбается.

– О да. Вот это шевелюра. Она, похоже, в жизни о расческе не слышала. Интересные будут занятия.

– Наверное, – пожимаю плечами я.

Та самая дерзкая улыбка.

– Что, не большой поклонник драмы?

– На самом деле, нет. Я просто вовремя не записался на занятия, поэтому меня засунули туда.

Теперь я получаю почти полноценную улыбку. Мы с Мэй смотрим друг на друга, и тот самый электрический заряд, который я почувствовал сегодня утром в школе, бьет в сердце, и у меня перехватывает дыхание.

– Ха. Та же история. – Она кивает на группу: – Значит, эта сцена тебе больше по душе? Я смотрю на Конора, который увлеченно болтает с Люси, и снова пожимаю плечами.

– Ага. Вернее... Раньше да, но уже не так. Мой друг, – указываю на Конора – он как бы заставил меня прийти. Я уже собирался сматывать удочки, когда вы вошли...

– Ой. – Она складывает руки на груди и прислоняется к стене. – Извини. Тогда ладно. Еще увидимся.

И все, меня выкинули; она почти мгновенно перешла от дружелюбного тона к холодному.

– Н-нет, нет, – заикаюсь я. – В смысле... Я собирался, но Люси вроде стоит послушать, так что я, наверное, останусь.

Мое сердце быстро бьется, даже не знаю почему. Мэй заставляет меня сильно нервничать, и я хочу, чтобы она думала... Я не знаю, о чем хочу, чтобы она думала. Что я крутой? Что со мной стоит поговорить? Она вроде не сильно рвется общаться с людьми, если только ей действительно неинтересно. Я хочу, чтобы Мэй нравилось говорить со мной. Однако, учитывая, что мне не удастся сформировать связное предложение даже в своем мозгу, тем более произнести его вслух, это маловероятно.

Она хмурится, переваривая мою невнятную чушь.

– Ла-а-адно.

Мысленно отвечаю себе пинок.

– Неважно. – Заставляю себя сделать глубокий вдох, прежде чем продолжить: – А что, Люси хороша? – «Ну вот, Зак; наконец-то сумел сказать целое предложение. Боже».

При упоминании подруги настоящая улыбка озаряет лицо Мэй. Изумительная, может, даже лучше, чем сегодня в классе.

– Люси? Люси не просто хороша. Люси потрясающая. Просто подожди и сам услышишь.

– Отлично. Конон будет счастлив. Он так мечтал найти в группу барабанщицу. Думал, это поможет их имиджу.

Она закатывает глаза.

– Знаю, – смеюсь я.

Кто-то опрокидывает барабан, и тот с грохотом падает на пол, да так, что эхо от стен отскакивает. Когда я оглядываюсь на Мэй, ее глаза широко раскрыты.

– Ты в порядке? – Она выглядит очень напуганной, как будто вот-вот сбежит из комнаты. Её дыхание становится прерывистым и странным, а лицо теряет все краски.

Мэй не отвечает. Вместо этого она около минуты прижимается к стене, не двигаясь и молча.

Прикидываю, не позвать ли Люси, ведь Мэй явно нехорошо, но только встаю с подлокотника, как она кашляет и возвращается к жизни.

Медленно оглядывает комнату, а затем сосредотачивается на моем обеспокоенном лице. Она моргает, как будто только что вспомнила о моем присутствии.

– Эй... у тебя все нормально? – Не хочу звучать, как ее мама, но вряд ли это была нормальная реакция на упавший барабан.

Она качает головой.

– Да, конечно. Прости. Я в порядке. Я просто задумалась о волосах Ковальски. – Мэй смеется, но как-то неестественно. Она облизывает губы. – Как думаешь, у нее вообще есть расческа?

Я делаю паузу, прежде чем ответить, потому что Мэй повторяется с шуткой о расческе. Но я не хочу ее задирать или ставить в неловкое положение, поэтому просто снова смеюсь.

– Возможно, нет.

– Да уж, – фыркает она.

Повисает тишина. Я ломаю голову, пытаюсь придумать что-нибудь крутое или остроумное, но вдруг замечаю, что веки Мэй дрожат, и она цепляется за стену, словно за спасательный плот.

– Эй, хочешь воды? – Я наклоняюсь, залезаю под диван и шарю там, пока не нахожу свой рюкзак. – Я принес пару бутылок... здесь иногда бывает тесновато.

Мэй ошеломленно смотрит на меня, будто удивлена, что я заметил ее состояние.

– Ага. Спасибо. – Берет бутылку из моей протянутой руки и одним махом выпивает половину содержимого. Садится на диван, и я пристраиваюсь на другой конец.

– Впечатляющая работа горлом. – Стону про себя, надо ж было выдать худшую из «папашиних шуток», но лицо Мэй расслабляется, и она улыбается мне. На этот раз улыбка настоящая, достигает ее глаз.

Я хочу снова увидеть эту улыбку. И снова. Мы разворачиваемся послушать Люси.

Мэй права, ее подруга – крутая барабанщица, на голову выше Локетта и всех прочих, кто когда-либо играл с группой. Все парни – особенно Конор – в экстазе.

Однако, как бы хороша она ни была, я едва могу сосредоточиться на музыке, потому что всем существом тянусь к Мэй. Клянусь, я никогда никого так остро не ощущал. Диван маленький, и Мэй задевает меня всякий раз, когда двигается, отчего волоски на моей руке встают дыбом. Когда группа решает сделать перерыв между песнями, мы начинаем говорить. Иногда одновременно и примерно об одном и том же. В первый раз, когда так случается, Мэй удивленно откидывает голову назад, словно ей напомнили о чем-то, что она предпочла бы забыть.

Прослушивание Люси заканчивается, и она начинает собирать свои вещи. Конор кружит вокруг нее как ястреб. Мэй шевелится рядом со мной, и я паникую, пытаюсь придумать, как бы продлить мгновение. Моменты, когда мне комфортно с другим человеком, теперь так редки.

– Вы уже уходите? – Изо всех сил стараюсь сдержать отчаяние, чтобы голос звучал непри-
нужденно, но не слишком-то удается.

Мэй смотрит на Люси. Та с палочками в руках стоит рядом с барабанной установкой группы и, откинув голову назад, смеется над шуткой Конора. Мэй поворачивается ко мне и закатывает глаза.

– Ага. Как только она будет готова.

Я сглатываю, пытаюсь придумать что-то еще, но Люси уже идет к нам.

– Мэй, ты готова?

Мэй украдкой смотрит на меня, и клянусь, в ее глазах вопрос, но я, как обычно, немею. Она поворачивается к Люси и пожимает плечами:

– Да, пошли.

Встает, и я отталкиваюсь от дивана, изо всех сил напрягаю мозги, чтобы выдать что-нибудь интересное, найти повод упрямить ее остаться, но когда я наконец-то выпрямляюсь, из моего рта вырывается:

– Приятно было официально познакомиться. Увидимся в классе.

А потом они уходят, и я остаюсь грызть себя за то, что был таким слабаком.

Вскоре прослушивания заканчиваются. Наблюдать за другими барабанщиками после того, как увидел работу Люси, – все равно что чистить уши металлической булавкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.